ВИКТОР МАЗИН

ОНЕЙРОКРИТИКА ЛАКАНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

МУЗЕЙ

СНОВИДЕНИЙ

ФРЕЙДА

ВИКТОР МАЗИН

ОНЕЙРОКРИТИКА ЛАКАНА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2013

УДК 159.964.2
ББК 88.6
М 136

Мазин В. А.
М 136 Онейрокритика Лакана. – СПб.: Алетейя, 2013. – 148 с. – (Лакановские тетради).

ISBN 978-5-91419-543-1

Эта книга представляет собой детальный разбор самого знаменитого сновидения в истории психоанализа – «Об инъекции Ирме». Именно анализ «Ирмы» позволил Фрейду вывести основные положения своей онейрокритики и написать Библию психоанализа – «Толкование сновидений», а Лакану сформулировать свое отношение ко сну, сновидению, реальности. Автор книги, известный психоаналитик Виктор Мазин, следуя логике Лакана, деконструирует одну из фундаментальных оппозиций западной метафизики – оппозицию сновидения и реальности, размечая основные положения психоаналитической онейрокритики.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Говорит и переписывает Лакан

Эта книга посвящена самому знаменитому сновидению в истории психоанализа, которое называется «Об инъекции Ирме». Вокруг него Фрейд построил свою теорию психической жизни, создал свою онейрокритику, написал свой *magnum opus* «Толкование сновидений». Это сновидение – образцово-показательное. Оно – уникально и неповторимо, и в то же время представляет спектральный универсум сновидений. Ирма – единичная множественная.

«Ирма» в центре внимания. Но при этом она появляется в книге на замену. «Она» замещает другое, более откровенное сновидение, убранное из рукописи «Толкования» по настоянию друга Фрейда Флисса. Фрейд оплакивает утраченное сновидение, но «Ирма» приходит ему на помощь. В центре оказывается замена. Центр – не в центре, он смещен и децентрирован. Задним числом «Ирма» оказывается в фокусе теории сновидений.

В отличие от Фрейда, Лакан концентрированной теории сновидений не создавал. У него нет ни одной статьи, посвященной исключительно проблематике сновидений, ни одного семинара на тему сновидений. Есть семинары по Маленькому Гансу и по страху, по основным понятиям психоанализа и по этике, по логике фантазии и теории дискурсов, но вот по сновидениям – нет. И всё же Ирме он посвящает немало страниц. «Ирма» распространяется не только по фрейдовскому «Толкованию», но и по лакановскому корпусу. Она появляется и во втором семинаре, и в пятом, и в восьмом, и в двенадцатом, и в девятнадцатом. Ирма не оставляет Лакана ни в 1950-е, ни в 1960-е, ни в 1970-е годы. Вот как получается: стоило Ирме открыть рот, как ни Фрейду, ни Лакану уже глаз не отвести!

Впрочем, Лакан не зачарован. Он и не думает создавать ни стройной, ни целостной, ни тем более общей теории сновидений. Фрагменты их анализа рассеиваются по его речам и написанным текстам. Вслед за Фрейдом Лакан говорит, сновидение – один из путей к пониманию бессознательного субъекта и субъекта бессознательного. В таком подчеркнуто несфокусированном отношении к феномену сновидения можно усмотреть лакановское сопротивление искушению онейроцентризмом. «Субъективная» реальность сновидения не столь уж отлична от реальности «объективной», и это очевидно в децентрированном лакановском отно-

шении к онейрокритике. Лакан не столько сосредоточен на сновидении, сколько на его отношениях с тем, что принято называть реальностью.

Сегодня, во времена господства масс-медиа и технонауки, различных форм виртуальности и оцифрованных социальных сетей отличить сон от яви становится все сложнее и сложнее. Это и делает рассеянную онейрокритику Лакана еще более животрепещущей как для переосмысления отношений субъекта и реальности, так и для деконструкции самого понятия «реальность». Итак, писец Лакан заново расставляет знаки препинания в корпусе Фрейда.

Небесная улица ведет к замку, в котором Фрейду будет показано сновидение о сновидении

В середине июля 1895 года Зигмунд Фрейд, скорее всего на трамвае, добрался до расположенного в Венском лесу замка *Bellevue*, где его уже ждала жена Марта с пятью детьми. Она жила в замке с конца мая вместе с восьмилетней Матильдой, шестилетним Мартином, четырехлетним Оливером, трехлетним Эрнстом и двухлетней Софией. Марта была беременна шестым ребенком. Замок располагался на холме, Белльвю-Хёхе, с которого на город открывался прекрасный вид, то есть буквально *belle vue*. Семья Фрейда не раз проводила здесь лето. Когда-то в замке был санаторий, затем – пансионат.

К замку вела *Химмельштрассе,* Небесная улица. В знаменательный день 24 июля 1895 года Фрейд сообщает Флиссу: «очень довольные, живем мы на небесах» [43:137]. Еще бы ему не быть довольным, ведь ночью «на небесах» увидел он

долгожданное сновидение, то самое, которое с утра принялся толковать.

Именно этому сновидению суждено будет стать основополагающим в истории психоанализа. Именно вокруг него сложится Библия психоанализа, книга «Толкование сновидений». К этому сновидению, которое назовут «Об инъекции Ирме», вновь и вновь станут обращаться поколения аналитиков. Сновидение «Об инъекции Ирме» произведет настолько сильное впечатление на Лакана, что через шестьдесят лет после того, как оно приснилось Фрейду, он будет описывать всю эту историю как настоящий очевидец:

> «Вечером, после обеда, Фрейд садится за работу и пишет по делу Ирмы настоящий отчет, где пытается расставить все на свои места и оправдать, по мере необходимости, выбранный им ход лечения. И вот наступает ночь, и он видит сон» [17:217].

За несколько часов до этого события, днем 23 июля, Фрейда навестил его друг Оскар Рие. Говорили они, помимо прочего, и о здоровье Ирмы. Вечером Фрейд записал историю болезни этой пациентки, чтобы показать ее своему коллеге Брейеру. Так к вечеру 23 июля 1895 года всё было готово для того, чтобы Фрейду явился сон, ведь, говоря словами Лакана, «это сновидение того, кто задался целью установить, что сновидение собой представляет» [17:197]. Тайне сновидений уготовлено

открытие. Сновидение обязано стать для психоанализа *программным*. Сновидение о сновидении как будто лишь ждет того момента, когда Фрейд отправится спать.

Дело, конечно же, не в исключительности содержания данного сновидения, а в том, что оно оказалось первым из осмысленных психоаналитически. В примечании к изданию «Толкования сновидений» 1914 года Фрейд так и напишет: «Это первое сновидение, которое я подверг детальному истолкованию» [46:125], а именно – сначала разложил его на составные части, а затем подвел к ним ассоциации и подверг их толкованию. Важно то, что деление на части осуществляется не в согласии с бодрственной логикой, то есть не в соответствии с семантикой, со смыслом, а в связи с незамедлительно возникающими ассоциациями. Смысл – в смещении смысла. Смысл – в движении мысли. Эту стратегию Фрейд называет по-французски *en détail*, то есть подробно, обстоятельно, буквально по частям, и противопоставляет ее обычному толкованию в целом, *en masse*. В первой же части анализа сновидение «Об инъекции Ирме» обнаруживает двадцать одну деталь!

Нет ничего удивительного и в том, что «Ирма» рассеяна по всей книге «Толкование сновидений». Вслед за текстом сновидения Фрейд приводит его подробное истолкование, а затем в разных местах книги посвящает ему еще десять пассажей.

«Ирма» возникает во всех последующих главах. Иначе говоря, это сновидение в «Толковании сновидений» – сквозное, магистральное. Так что можно, перефразируя Фрейда, сказать: сновидение об инъекции Ирме – королевский путь к *пониманию* бессознательного.

«Толкование сновидений» начинает писаться не сразу после того, как Фрейду явилось сновидение «Об инъекции Ирме». Проходит два года, и самоанализ вместе с «Ирмой» выливается в текст Книги. Книги, написанной как во сне. Книги, представляющей прогулку. И далеко не только по Химмельштрассе.

Воображаемая прогулка по книжным страницам по двум переходам – все дальше и дальше во тьму за Фрейдом!

Закончив очередной фрагмент, Фрейд выходит из беседки и направляется к обеденному столу. Его старшая дочь Матильда видит перед собой отца-сомнамбулу. Отец, придя в себя, понимает, что книга пишется «как во сне» [43:348], как будто во время онейропрогулки. Завершая работу над «Толкованием сновидений», 6 августа 1899 года Фрейд пишет Флиссу, что вся книга представляет собой

> «воображаемую прогулку [*Spaziergangsphantasie*]. Вначале темный лес авторов, в котором не

видно отдельных деревьев, и легко окончательно заблудиться. Затем скрытая ложбина, по которой я веду читателя, – мой образцовый сон [*Traummuster*] со всеми его особенностями, деталями, нескромностями, дурацкими шутками, – и потом вдруг возвышенность, с которой открывается красивый вид, и звучит запрос: скажите, пожалуйста, куда пожелаете теперь отправиться?» [43:400].

Первая глава – «лес авторов», по которому с трудом удается продвигаться вперед. Затем – теснина, скрытая ложбина второй главы с ее сновидением «Об инъекции Ирме». Вот она – возвышенность, с которой открывается прекрасный вид, вот он холм *belle vue*! Однако перспективой открывшегося зрелища дело не ограничивается. Как в откровении, вдруг раздается голос, готовый подчиниться желанию. И это не просто вопрос, но запрос [*Anfrage*], или буквально, как сказал бы Луи Альтюссер, – интерпелляция [*Anfrage*]. Призрачный голос обращается к читателю: *Bitte, wohin wünschen Sie jetzt zu gehen?*

На возвышении раздается голос. Чей? Того, кому он принадлежит, не видно. Это – так называемый акусматический голос, голос без лица, безличный голос, запрашивает: «Куда пожелаете теперь отправиться?» Будто, куда скажете, туда и пойдем. Здесь слово превращается в действие, в то, что Лакан называет *passage a l'àcte*, переходом к делу. Стоит лишь обмолвиться! И, несмотря на то, что

это – вопрос, звучащий подобно вопросу джинна, готового исполнять любые желания, описываемая Фрейдом сцена производит впечатление откровения. Будто с этим голосом связано учреждение нового закона.

Эта сцена держится на взгляде и голосе. И поскольку источник голоса невидим, то между видимым и слышимым ощутим раскол. Видимое очевидно скрывает источник запроса Другого. Откровение голоса в расколе, в различии между мирами, видимым и слышимым, между устойчивым, успокаивающим, находящимся на расстоянии, и удивляющим, пугающим, звучащим то ли где-то вовне, то ли изнутри. Запрос Другого в описываемой Фрейдом сцене оттеняет иллюзорность красивого вида. И чтобы читатель, по крайней мере Флисс, не поддавался соблазнам окружающих красот, Фрейд предваряет маршрут словами – воображаемая прогулка, фантазматический лес, который еще только предстоит пересечь. Онейрокнигу еще предстоит написать.

В «Толковании сновидений», впрочем, все не так откровенно, точнее все намного спокойнее, без, так сказать, мистических откровений. Третью главу книги Фрейд начинает с прогулки, но только на сей раз – никаких голосов, никаких запросов. Здесь сам путник, достигнув возвышенности с расходящимися во все стороны тропами, может поразмыслить, куда ему идти:

«Миновав ложбину и добравшись неожиданно до возвышенности, откуда дорога расходится во все стороны и во всех направлениях открывается прекраснейший вид, можно ненадолго остановиться и поразмыслить, куда обратиться прежде всего» [46:141].

Что это за возвышенность открывается в начале третьей главы? – Проанализированная во второй главе «Ирма»! Путешествующий по страницам читатель раздумывает, куда ему пойти, и, говорит Фрейд, нечто похожее происходило и с ним после того, как он истолковал этот сон.

К мотиву путешествия Фрейд возвращается в узловом пункте, в начале седьмой главы, в связи с появлением еще одного принципиального сновидения, которое называется «Отец, разве ты не видишь, я горю». Говоря о неполноте своей теории сновидений, которую не создать до построения психического аппарата, Фрейд пишет:

«Но, прежде чем вступить со своими идеями на этот новый путь, мы хотим остановиться и оглянуться назад, посмотреть, не упустили ли мы в нашем путешествии чего-нибудь важного. Ибо мы должны четко понимать, что удобная и приятная часть нашего пути лежит позади. До сих пор, если я не ошибаюсь, все пути, по которым мы шли, приводили нас к свету, значению и полному пониманию; но с того момента, когда мы захотим глубже проникнуть в психические процессы при сновидении, все

наши тропы будут вести в темноту. Мы не можем *объяснить* сновидение как психический процесс, ибо „объяснить„ – означает свести к известному...» [46:512-3].

Фрейд должен найти *новый путь*. Новый путь должен обнаружиться, и укажет на него отнюдь не *демон аналогии*. Этот демон подобий, уподоблений, сравнений с уже известным – не лучший провожатый, но без него все тропы «будут вести в темноту». Можно ли объяснить, например, себя, не сводя это знание к уже известному?

Читатели, во тьму! За Фрейдом!

Впрочем, и во тьме, когда к ней привыкнешь, начинаешь кое-что различать. Во тьме прочитываются два перехода. Именно в «Толковании сновидений» Фрейд совершает два необычайно важных для истории психоаналитической мысли хода. *Во-первых*, он переходит от рассмотрения неврозов к сновидению, то есть к тому явлению, которое представляет собой феномен обыденной жизни. Переход этот дается с трудом. То речь заходит о том, что книга «Толкование сновидений» адресована чуть ли не исключительно ученым, медикам, то о том, что научный мир с его консерватизмом вообще никак не интересует Фрейда, и он обращается просто к любителям сновидений, точнее, к тем, кто верит в их смысл. Сновидение – и феномен обыденной жизни, и феномен загадочный, который для одних – отражение душевной жизни,

для других – пророчество о будущем, для третьих – бессмысленный абсурд.

Сновидение – явление отнюдь не однозначное. Оно – и норма, и патология, если воспользоваться ключевыми понятиями медицинского дискурса. Сновидения видят практически все люди, и, стало быть, оно – норма, но все же оно представляет собой галлюцинаторное путешествие, и в этом отношении оно подобно психотическому состоянию. В предисловии к первому изданию «Толкования сновидений» Фрейд указывает на то, что сновидение – одно из звеньев той цепи душевной жизни, в которую включены также истерические симптомы и фобии, навязчивые и бредовые представления. Так что остается сделать вывод: врачи обязаны заниматься сновидениями, иначе они тщетно будут пытаться понять психопатологические состояния. Здесь Фрейд не задается вопросом, нужно ли врачам понимать психопатологические состояния, или им нужны симптомы, позволяющие ставить диагноз, предписывать лечение и поддерживать свою позицию знающего господина доктора.

Во-вторых, Фрейд совершает переход от самоанализа к книге, от анализа себя, о котором знает только Флисс, к анализу на публике, то есть к его частичному опубликованию. 9 февраля 1898 года он сообщает своему другу: «Я оставляю свой самоанализ, чтобы полностью посвятить себя книге о сновидениях» [43:326]. Нет, Фрейд не бросает

самоанализ. Он его продолжает, но только теперь на страницах книги.

Самоанализ в сновидении «Об инъекции Ирме» оказывается проходом в психоанализ. Анализируя это сновидение, он становится психоаналитиком, и другим открывает эту возможность: «Когда меня спрашивают, как можно сделаться психоаналитиком, я всегда отвечаю: с помощью изучения своих собственных сновидений» [46:39]. Ирма открывает врата в психоанализ.

Если первый переход пересматривает границы нормы и патологии и устремляет к новому осмыслению психических процессов, то второй – через осмысление этих самых процессов выводит на сцену фигуру психоаналитика. Два перехода организуют своеобразное «двойное путешествие, одно из которых, теоретические разработки, совершается рука об руку с другим – с самоанализом и самопознанием» [6:52]. Это даже не просто двойной переход, или двойное путешествие, но двойное перемещение-превращение [*Umsetzung*], в результате которого Фрейд оказывается в совершенно новых координатах.

Узловым пунктом этого перемещения и становится сновидение «Об инъекции Ирме». Оно дает рождение психоаналитику Фрейду и Библии психоанализа – книге «Толкование сновидений». Неслучайно книга называется именно так, а не иначе. Неслучайно именно в процессе чтения этой книги

происходит рождение психоаналитика. Неслучайно Фрейд вспоминает событие в «Беллькю» и пишет Флиссу чуть ли не пять лет спустя, а именно 12 июня 1900 года, следующие слова: *Представляешь, однажды на мраморной табличке на этом здании можно будет прочитать*:

Здесь 24 июля 1895 года
тайна сновидений
открылась д-ру Зигмунду Фрейду

Мечта Фрейда, можно сказать, сбылась и не сбылась. Замок постепенно приходил в упадок, и в 1961 году был окончательно разрушен, так что табличка на нем появиться не могла. И все же она явилась на свет, в другом месте и в другом виде. 6 мая 1977 года Венское общество Зигмунда Фрейда в присутствии Анны Фрейд установило мемориальный камень на месте снесенного замка. На камне – слова Фрейда «Здесь 24 июля 1895 года...». Его откровенное желание стало явью.

Впрочем, важнее то, что в ту ночь 1895 года ему открылась тайна сновидений. Он ее не открывал. Она сама ему открылась. И произошло это отнюдь не на пустом месте. Он ждал и верил в эту встречу. Почва, если не сказать онейропочва, была подготовлена и уготовлена. Фрейд ждал. Ждал и в течение многих лет проявлял к миру сновидений особый интерес.

Катабасис Фрейда на пути к тайне сновидения

Уже в начале 1880-х годов Зигмунд Фрейд пишет невесте об интересе к своим сновидениям. Он вносит их в специально заведенный для этого блокнот. Он видит сны о борьбе за Марту. Видит чудесные ландшафты. Видит сны о том, как видит сны.

Лет через десять он записывает уже не только свои сны, но и сны своих пациентов. При этом он соотносит ассоциации пациентов со своими собственными, сновидения пациентов – со своими. Самоанализ и анализ пациентов проникают друг в друга. Через других Фрейд вновь и вновь возвращается к себе, вновь и вновь погружается в себя. К записи об анализе Эмми фон Н. от 15 мая 1889 года Фрейд делает пространное примечание, в котором пишет о силе принуждения к ассоциации, можно даже сказать, о навязчивой власти, а точнее даже о власти навязчивости, подталкивающей к ассоциациям [*der Macht eines solchen Zwanges zur Assoziation*]:

> «На днях я имел случай убедиться в силе подобного принуждения к ассоциации благодаря наблюдениям в другой сфере. На несколько недель мне пришлось сменить свою привычную постель на более жесткое ложе, на котором сновидения мои стали, должно быть, более многочисленными или яркими, только вот достигнуть нормальной глубины сна мне, скорее всего, не удавалось. В течение

первой четверти часа после пробуждения я помнил все сновидения этой ночи и старался их записать и разгадать. Мне удалось объяснить все эти сновидения двумя обстоятельствами: во-первых, необходимостью оформления тех представлений, которые мимоходом возникали у меня в течение дня, но были лишь намечены и не обрели завершения, и, во-вторых, навязчивой тягой к тому, чтобы связывать между собой все, что возникает при таком состоянии сознания. Возможно, воздействием последнего фактора и объяснялась бессмысленность и несообразность этих сновидений» [45:94].

Фрейд на пути к тайне сновидения. Весной 1894 года он объявляет Брейеру о том, что научился толковать сны. Однако он явно поторопился. До явления «Ирмы» еще больше года.

Интерес Фрейда к сновидениям, можно сказать, был неизбежным, даже в том случае, если бы пациенты не стали ему их пересказывать. Почему? Потому что, если бы на путь сновидений его не поставили пациенты, то это сделала бы литература немецкого романтизма. В частности, сочинения Эрнеста Теодора Амадея Гофмана, которым было уготовано особое место в творчестве Зигмунда Фрейда. Ведь не случайно одна из принципиальных его работ, «Жуткое», представляет собой анализ «Песочного человека» Э. Т. А. Гофмана. Через романтизм Фрейд осмысляет основания психоанализа – вытеснение и возврат вытесненного, навязчивое повторение и бессознательное.

Рассуждая в XI семинаре о бессознательном, Лакан говорит, что это – «ни бытие, ни небытие», а «несбывшееся» [25:36]. И дальше вполне в духе романтизма: это – «обиталище нерожденных душ», призраков, или, в духе гностиков, обитель сильфов, гномов и других промежуточных существ. Откуда и эпиграф, который избирает к «Толкованию сновидений» Фрейд, *Flectere si nequeo superos Ahceronta movebo* [«*Если небесных богов не склоню – Ахеронт я подвигну*»]: «Не случайно Фрейду, когда он впервые собирался этот мир потревожить, пришла на память полная тяжелых предчувствий строка – строка, несущая с собой угрозу, о которой теперь, шестьдесят лет спустя, похоже, напрочь забыли» [25:36]. Этот, взятый из «Энеиды» Вергилия, эпиграф указывает на психоаналитический проект – на путешествие в преисподнюю, «*катабасис*, напоминающий другие фундаментальные труды нашей культуры, такие как „Государство" Патона и „Божественную комедию" Данте» [6:49]. Фрейд готов на всё на своем пути, даже на то, чтобы подвигнуть Ахеронт, реку скорби в подземном царстве Аида. Титан Фрейд готов к спуску на границу Преисподней, готов призвать в свидетели демонов и призраков. Этот отчаянный ход – «девиз любой радикальной революции» [14:168] и «практика критики идеологии» [14:171]. Революционный катабасис Фрейда – переворот мысли. Привычный смысл, обычный вид реальности начинает переворачиваться. Ниспровержение реальности – ниспровержение субъекта – ниспровержение смысла.

Сновидения имеют смысл, записанный, разумеется, на языке сновидений

Откуда у Фрейда готовность к опасному путешествию? Из уверенности в том, что *сновидения имеют смысл*. Именно об этом он и говорит, прежде чем перейти к тексту «Об инъекции Ирме». В сновидениях есть смысл, именно это делает их доступными толкованию. Если в сновидении есть толк, то его возможно истолковать. Неудивительно, что свой самый первый публичный семинар Лакан начинает именно с той мысли, что в век сциентизма Фрейд отважился говорить о смысле сновидений, а «толкование сновидений всегда целиком погружает нас в область смысла. Речь здесь идет о субъективности человека в его желаниях, в его отношениях к окружению, к другим, к самой жизни» [16:7]. И тотчас Лакан говорит о программе своего семинара: «заново ввести регистр смысла» [16:7].

О толке и толковании, то есть, можно сказать, о психоаналитической диспозиции *номер ноль*, Фрейд заявляет уже названием своей книги – «Толкование сновидений»: «Заглавие, которое я дал своему трактату, позволяет увидеть, к какой традиции в понимании сновидений я хотел бы присоединиться» [46:115]. Как бы парадоксально это на первый взгляд ни прозвучало, название поз-

воляет Фрейду присоединиться к традиции древних, к традиции, близкой к мистической, к традиции близкой гаданию, а точнее астрологии: толкование [*Deutung*] – не интерпретация [*Interpretation*]. Толкование сновидений [*Traumdeutung*] мгновенно вызывает у немецкоязычного уха ассоциацию с *Sterndeutung*, толкованием по звездам, то есть с астрологией.

Итак, Фрейд присоединяется не к научной традиции, а к древнегреческой, в первую очередь – к Артемидору. «Толкование сновидений» продолжает линию артемидоровой «Онейрокритики». В самом широком смысле слова Фрейд присоединяется ко всем тем, кто верит в смысл сновидений, – к «обычным людям». Точнее, научной, профессиональной точке зрения он противопоставляет мнение «обычных людей», то есть любителей, дилетантов [*Laie*]. Именно они, эти непосвященные, в отличие от ученых мужей, посвящены в тайны сновидений. Истолковать сновидение – значит раскрыть его смысл. В научном же подходе «не остается места для проблемы толкования сновидений, ибо сновидение является в них не душевным актом, а всего лишь соматическим процессом» [46:115]. На такой своей диспозиции Фрейд будет настаивать и в других, более поздних книгах.

Для любителей сновидения имеют смысл, в том числе и клинический. Вот почему важны в этой истории сны пациентов и сны о пациентах,

пациентках, таких как Ирма. Вот почему важны их рассказы об увиденном во сне. Как говорит Лакан об «Ирме»,

> «сновидение это показывает нам, что аналитические симптомы возникают в потоке речи, стремящемся проложить себе путь. На пути этом она всегда сталкивается с двойным сопротивлением: как со стороны того, что мы сегодня, ввиду недостатка времени, назовем собственным *эго* субъекта, так и со стороны его образа» [17:228].

Впрочем, *собственное я* и является образом себя, представлением о себе. Двойное сопротивление оказывается единым сопротивлением на два фронта. Сопротивление *мое* – сопротивление *другого*. Сам симптом – сопротивление потоку речи, пролагающему свой путь. Пациентка Ирма указывает на это Фрейду во сне. Она является в его сне, чтобы окончательно убедить его в том, что *сновидения имеют смысл*. Иначе говоря, через Ирму к Зигмунду возвращается его собственное сообщение. Такова лакановская формула коммуникации[1].

Итак, Фрейд следует за Ирмой и Артемидором. Впрочем, в принципиальном пункте с автором «Онейрокритики» он расходится. В 1914 году Фрейд добавляет к «Толкованию сновидений» примечание, посвящая его своему древнегреческому предтече, в котором пишет:

> «...принцип его искусства толкования, принцип ассоциаций, идентичен с магией. Элемент сновиде-

ния означает то, о чем он напоминает. Разумеется, то, о чем он напоминает толкователю сновидения! Неустранимый источник произвола и ненадежности связан с тем обстоятельством, что элемент сновидения может напоминать толкователю об одних вещах, а остальным людям – о чем-то другом. Техника, излагаемая мною в дальнейшем, отличается от античной в одном важном пункте – работа по толкованию возлагается на самого сновидца. В ней в расчет принимается то, что приходит в голову по поводу данного элемента не толкователю сновидения, а сновидцу» [46:117].

Техника Фрейда расходится с техникой Артемидора. Если истина сновидения заключена в самом сновидении, то единственный, кто может привнести в него смысл, это сам сновидец. Ответственность – на нем. В другом примечании к «Толкованию сновидений», которое Фрейд делает в 1925 году, он отнюдь не лишний раз напоминает, что толкование – не интеллектуальная игра: «Толкователь сновидений должен не играть своим умом, а опираться на мысли сновидца» [46:50]. Вопрос о том, кто именно дает толкование, резонирует принципиальным вопросом о том, какую позицию занимает аналитик. В терминах Лакана, Фрейд отказывается от позиции знающего, от положения господина. Для Фрейда, в отличие от Артемидора, смысл сновидения открывается не аналитику, а анализанту. Психоаналитик – *субъект якобы знающий*, человек *как бы* хранящий смысл. Фрейд – смыслу не господин, но

именно такое место и открывает возможность толкования. Анализант не одинок в своем незнании, он не брошен на произвол судьбы. Он отправляется в путешествие за *объектом а*.

В начале второй главы Фрейд в связи с Артемидором говорит *о двух методах толкования сновидений*. Первый – *символический*. Такой метод предполагает рассмотрение сновидения *как чего-то целостного*. Примером служит знаменитое толкование еще одного прославленного предшественника Фрейда, библейского Иосифа: семь тучных коров, которые пожирают семь тощих, символически представляют семь голодных лет, уничтожающих урожай семи обильных лет. Фрейд пишет, что символические толкования чаще всего относятся к сновидениям, созданным поэтической фантазией; и фантазия эта как раз направлена на демонстрацию пророчества. Символическое толкование впечатляет, когда речь идет о простом содержании сновидения, но оно разбивается о запутанные сновидения. Символическое толкование основано на вере в существование устойчивой связи элемента сновидения с его переводом. Оно основано на вере в закрытость знака, в то, что означающее всегда указывает на определенное означаемое. Иначе говоря, символическое толкование возможно только в том случае, если, как сказал бы Лакан, черта, отделяющая означающее от означаемого, была бы упразднена. И в этом случае ни о каком скольжении

означающих, ни о каких свободных ассоциациях, ни о какой произвольности знака говорить было бы невозможно. Символическое толкование предполагает, что «каждый знак при помощи составленного заранее ключа переводится в другой знак, значение которого известно» [46:116]. Такое толкование предшествует сну! В общем, это даже не толкование, а обращение к Авторитету всегда уже имеющегося словаря-сонника. Словом, при символическом «толковании» психоанализ неуместен. Фрейд это прекрасно понимает и потому пишет, что символическому толкованию *совершенно противоречит* метод, который можно назвать *методом расшифровки*, „*Chiffriermethode*".

Метафорой письменности бессознательного для Фрейда в «Толковании сновидений» служит иероглифическое письмо, и в этом он, как говорит Лакан, проявляет «гений лингвиста». От подобия воображаемых форм, от мистической веры в мир универсальных символов он уходит к меняющемуся миру *языка бессознательного*. В этом Фрейд радикально отличается от того будущего «психоаналитика», который, не обладая лингвистической подготовкой, «всегда склонен оказать предпочтение символизму, происходящему из естественной аналогии, или соответствия образа и инстинкта» [20:68]. Обратим внимание на то, что соответствие образа, т. е. предметного представления и влечения Лакан называет «естественной аналогией», т. е.

аналогией, не столько имеющей какое-либо отношение к природе, сколько не подвергающейся сомнению. Соотнесение предметов с влечением оказывается «естественным», бесспорным, незыблемым. Лакан со всей серьезностью описывает сложившуюся ситуацию:

> «Надо сказать, однако, что понимание этого дается с трудом и что описанное выше недомыслие до такой степени распространено, что психоаналитика нужно прежде убедить, что он занимается декодированием, а уже потом, может быть, решится он пройти вместе с Фрейдом по его маршруту («посмотрите на статую Шампольона» – скажет ему гид), и поймет, что он занимается не чем иным, как дешифровкой: разница в том, что криптограмма становится в полном смысле слова криптограммой лишь в том случае, если она записана на утраченном языке» [20:68].

Формула Лакана, согласно которой младенец рождается во всегда уже предуготовленную ему символическую купель, отнюдь не означает предустановленных значений. Значение обусловлено употреблением, как сказал бы Витгенштейн. Значение обретается в ходе смещения по прокладываемым ассоциативным мнемотропам, как сказал бы Фрейд. Значение обретается в представлении одних означающих другим, как сказал бы Лакан. Пример такого, лингвистического толкования также обнаруживается у Артемидора.

«Наиболее красивый пример толкования сновидений, дошедший до нас из древности, основывается на игре слов. Артемидор рассказывает [4-я книга, 24-я глава]: «Но мне кажется, что и Аристандр дал очень удачное истолкование Александру Македонскому, когда тот осаждал Тир и, раздосадованный упорным сопротивлением города, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите; случайно Аристандр находился вблизи Тира в свите царя, победившего сирийцев. Разложив слово «сатир» [Σάτύρος] на Σά и τύρος, он содействовал тому, что полководец повел осаду энергичнее и взял город (Σάτύρος = Тир твой)» [46:118].

Таким образом, на своем пути постижения языка сновидений Фрейд понимает, что язык этот не некий гипотетический естественный, но «природа» его лингвистическая. Такова же и «природа» психоаналитическая, «природа» толкования. Лакан понимает, что эта идея, как ни странно, ближе японцам, обращаясь к которым в «Токийской речи», он говорит: «Если подойти к чтению Фрейда свободным от психологических предрассудков, что вам, вероятно, сделать значительно проще, чем людям Запада, то поражает в нем в первую очередь то, что единственные вещи, о которых у него идет речь, — это слова» [29:29]. Именно психологические предрассудки не позволяют западному человеку расслышать то, что толкует ему психоаналитик.

Примечание, посвященное Артемидору, Фрейд завершает так: «Впрочем, сновидение настолько

тесно связано с его словесным выражением, что Ференци справедливо замечает, что каждый язык имеет и свой собственный язык сновидений» [46:118]. Это замечание Ференци Фрейд развивает в своих отношениях с переводчиками, в частности с переводчиком «Толкования сновидений» на французский язык, Самуэлем Янкелевичем. В письме 1911 года он как будто забывает на время об универсальной символике, предполагающей устойчивый перевод, и пишет Янкелевичу о непереводимости своей книги. Невозможно перевести сновидения с одного языка на другой, ведь они отражают особенности идиоматики конкретного языка. Тому же Янкелевичу в 1920-м году Фрейд пишет, что переводчик его книги просто обязан быть психоаналитиком и должен заново ее переписать, включив в нее описание собственных сновидений. Перевод, таким образом, должен состоять в замене немецкоязычных сновидений Фрейда на сновидения другого аналитика-переводчика, увиденные на родном языке. 7 ноября того же года Фрейд пишет итальянскому психоаналитику Эдоардо Вейсу, что единственно верное решение при переводе – заменять сновидения автора на сновидения преводчика. Вот так: единственно правильное решение – замещение в переводе одного языка сновидений другим.

Иногда кажется, что Фрейд идет символическим путем, принимает устойчивую связь словесного представления и представления предметного

Например, в случае Доры он говорит о том, что «ларчиком» или «сокровищем» называют «женские половые органы». Однако и здесь имеет место заблуждение, поскольку речь идет не о «естественном» сочетании слова и формы, не о сходстве предметных представлений, а о жаргоне, метафоре, идиоме в немецком языке.

Сновидение – идиоматический ребус. Оно – ребус, требующий перевода. Расшифровка и предполагает перевод. Вот что говорит по этому поводу Лакан:

> «с человеком происходит много такого, что поддается объяснению лишь с помощью перевода. Причем перевода в буквальном смысле – речь идет не о переложении, а именно о переводе, переводе, предпосылкой которого является наличие языка. *Если сновидение – это ребус, значит за образами сновидения нужно искать слова.* Либо Фрейд сам не понимал, что говорил, либо то, что он говорил, имеет какой-то смысл, а смысл этот может быть только один – за образами сновидения необходимо в конечном счете обнаружить фразу» [29:31-2].

Лакан подчеркивает, что ребус – структура фонематическая, организованная означающими дискурса, который артикулируется и анализируется, позволяя вновь найти максиму или поговорку в форме метафоры языка.

Итак, Фрейд уходит от ученых и присоединяется в своем отношении к сновидениям к любителям

сновидений и их толкования. Впрочем, от них о[…] тоже уходит, чтобы учредить свой третий путь – пут[ь] *вероятностной* науки, как называет психоанализ Ла-кан[2]. От ученых как *тех, кто знает*, он уходит, что-бы основать дисциплину *тех, кто предполагает*.

На расхождение с учеными, с теми, *кто знает*, Фрейд как тот, *кто якобы знает*, еще резче указы-вает в 1916 году, в пятой лекции по введению в пси-хоанализ. Он звучит уверенно, он убежден в том, что сновидения имеют смысл, и не устрашат его никакие ученые:

> «Толковать – значит найти скрытый смысл.. Можете себе теперь представить, что бы сказали представители точной науки, если бы они узна-ли, что мы хотим попытаться найти *смысл* сно-видений? Возможно, они уже это и сказали. Но мы не дадим себя запугать... сновидения... име-ют смысл, который ускользает от исследования точными методами. *Признаем же себя тольк[о] сторонниками предрассудков древних и просто[го] народа и пойдем по стопам античных толкова-телей сновидений»* [52:53].

Сновидение – сообщение, отправленное другим

Фрейд идет по стопам античных толкователей навстречу смыслу сновидений. Фрейд обращается не ко сну, а к сновидению, к содержанию, а не к фи-

зиологии. Он нацелен на психические процессы, а не на работу мозга. Спать и видеть сны – не одно и то же. Сон и сновидение – две предельно связанные, но *разнородные* формы активности. Фрейда интересует «исключительно семантический элемент, передача смысла, артикулированная речь, то, что он называет мыслями, *Gedanken*, сновидения» [17:181]. Сновидение – «не просто объект, который Фрейд расшифровывает, это его, Фрейда, речь. Именно это обстоятельство и придает данному сновидению парадигматическую ценность» [17:233]. Речь всегда уже обращена и к себе, и к себе другому, и к Другому. Сообщение отправляется, и в этом интерсубъективная позиция сновидения: «Что Фрейда действительно интересует... так это сообщение как таковое, больше того, сообщение как прерванная и настоятельно заявляющая о себе речь» [17:181]. Итак, сновидение – не просто видение, но обращенная другому мысль, своеобразная речь.

Впрочем, сновидение это – не только речь, и даже не столько речь, сколько письмо, письменность, образный язык [*Bildersprache*], иероглифическая письменность. Сновидение как бы «циркулирует между очевидной ясностью речей, обращенных другому, и неисчерпаемой неясностью образов, в которых переделывается странная близость самому себе» [8:497]. Сновидение – сообщение в передаче сообщения. Сновидение – сообщение *между* собой и другим, если не сказать – собой другим.

Различая сон и сновидение, Фрейд утверждает автономию психического. Оно, будучи связанным с органом, то есть с мозгом, следует своим законам. Психические процессы непрерывны. Человек спит, но душа его не дремлет: «Никогда все же никогда не спит душа» [37:67]. Неслучайно в разные времена и в разных культурах существовало представление о том, что душа во сне отлетает от тела и путешествует сама по себе. Сновидение утверждает свободу духа, свободу образования смысла.

Сновидение имеет смысл. И не один. После анализа сновидения «Об инъекции Ирме», в начале следующей, третьей главы, Фрейд пишет: «если бы мы даже выяснили, что каждое сновидение имеет смысл и психическую ценность, мы должны были бы все же допустить, что этот смысл не является в каждом сновидении одним и тем же» [46:142]. Смысл в том, что смысл не один. Причем, во всей двусмысленности этой фразы.

Обращение Фрейда: даешь перенос!

Прежде чем приступить к сновидению «Об инъекции Ирме» Фрейд обращается к читателю с просьбой.

> «Итак, я приведу одно из моих собственных сновидений и на его примере попытаюсь разъяс-

нить свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Я должен, однако, попросить читателя на все это время превратить мои интересы в свои собственные и вместе со мной погрузиться в мельчайшие подробности моей жизни, ибо без такого переноса понять скрытое значение снов невозможно» [46:128].

Формально эти слова выполняют функцию перехода к «Предварительному сообщению». Важно то, что Фрейд предлагает читателю, прежде всего, установить с его книгой отношения, которые предписывали бы явление такого призрачного и в то же время ключевого *клинического* феномена как перенос. При этом мы должны забыть о своих интересах, должны безоговорочно поверить в то, что нам предстоит прочитать, поверить, как говорит Лакан, еще до того, как мы начали читать. В противном случае, без веры, без уверенности в том, что Другой знает, куда нас ведет, невозможен тот самый перенос, без которого нет шансов на познание того, как сновидения обретают свой смысл. Именно перенос и открывает возможность становления психоаналитиком. И вот что, пожалуй, самое важное и самое удивительное: *перенос на текст книги возможен*! Или точнее: перенос на текст возможен и необходим! Именно он по ходу чтения, по мере символизации и создает условия для понимания смысла снов и становления психоаналитиком.

Сновидение об «Инъекции Ирме» как один из узловых пунктов рассеивания значений по книге «Толкования сновидений», как перекресток расходящихся троп, превращается в своеобразное родовое место психоанализа. Книга становится Библией психоанализа, ведь в ходе ее чтения, в процессе переноса и рождается психоаналитик. Психоаналитик появляется на свет не в каком-то институте, а в тексте книги, в толковании сновидений, в осмыслении «Ирмы». Психоаналитик, как сказал бы Лакан, – не продукт университетского дискурса. Он рождается в отношениях, в переносе, в том числе – на книжные страницы.

Распыленный нарциссизм и взгляд бабочки на рассеянного Чжуан-Цзы

Этот перенос, это осмысление «Ирмы» ведет не только к писателю Фрейду, но и в первую очередь к себе, читателю. Читатель переписывает книгу. Чтение «Толкования сновидений» вновь и вновь возвращает к себе, своим собственным сновидениям. Фрейд назвал этот феномен неотвратимого отношения с другими как с самим собой *комплексом самоотношения*. Текст книги обретает свой смысл в душе чтеца. Процесс чтения оказывается диалектической процедурой отношений с другим как с самим собой.

Эффектом этой диалектики становится парадокс тотального присутствия сновидца в его отсутствии. Фрейд, пока еще не располагающий таким словом как «нарциссизм», говорит об *эгоизме сновидения*. Сновидение эгоистично, – такова его формула. Сновидение представляет желающего субъекта в его *исключительном* эгоизме. Исключенность и распыленность собственного отчужденного *я* выстраивает и обустраивает сцену представления. Фрейд следует за мыслью Гераклита, называющего сновидение *idios kosmos*, своеобразным, неповторимым, замкнутым на самом себе космосом. Сновидение – свой собственный мир, мир присвоенный, безграничный, безраздельный.

Итак, парадокс заключается в *эгоизме без эго*. Нарциссизм есть, но самого Нарцисса нет. Иначе говоря, сновидение представляет субъект бессознательного в отсутствие субъекта сознания. Место субъекта – место рассеявшегося тотального нарциссизма, тотальность которого возможна при так называемой психотической позиции сновидца, при снятии границы между миром внутренним и внешним. Или, иначе говоря, при всей зрелищности сновидения, место *собственного я* в нём – это «место невидящего [*celui qui ne vois pas*]» [25:84]. Если я – это всё, то как это *всё* может быть собрано в отдельной точке?! Как всё может созерцать самоё себя?! И это «всё» ведь далеко не всё, если картина не завершена местом видящего.

Сновидение не фокусируется картезианским образом. Оно не центрируется *cogito*. Но при этом оно демонстрирует желание показаться, быть выставленным напоказ. Оно показывается, оно показывает [*за montre*]. Именно сновидение демонстрирует взгляд, ведь «в состоянии, которое мы называем бодрствованием, происходит сокрытие взгляда – сокрытие того, что нечто не просто глядит, нечто выставляется напоказ [*ça montre*]» [25:84]. Демон сновидения обитает в самой возможности показа.

То «я», которое вспоминает, сознает наяву, оказывается рассеянным. Парадокс в том, что оно везде и нигде, это разлетевшееся на все четыре стороны «я». Засыпая, *я* рассеивается, расстраивая фундаментальные оппозиции – внешнее/внутреннее, везде/нигде, собственное/несобственное, свое/чужое. В этом отношении рассеянного нарциссизма как раз очевидна переходная диалектика себя и другого, живого и мертвого: «Я сплю и это *я*, которое спит, уже не может об этом сказать, уже не могло бы сказать, что оно мертво. Стало быть, это другой спит на моем месте» [37:20]. Вот она, лакановская логика транзитивности во всей своей радикальности: на моем месте спит другой!

Впрочем, лакановскую позицию спящего как невидящего можно понимать несколько иначе. Речь может идти не о видении, а о предвидении, поскольку субъект «не видит, к чему идет дело,

он лишь послушно следует». [25:84]. Выставление сновидением себя напоказ, его постановка [*Darstellbarkeit*] отличается «отсутствием горизонта» и «закрытием всего того, что наблюдается в состоянии бодрствования» [25:84]. Лакан продолжает:

> «Да, он может порой от происходящего отстраниться, может сказать себе, что это, мол, всего-навсего сновидение, но никогда не сможет он постичь себя в сновидении в том же смысле, в каком, посредством картезианского *cogito*, постигает он себя мыслящим. Сказать себе – *это всего-навсего сновидение* – да, это он действительно может. Но постичь себя в качестве того, кто вправе был бы сказать: *как бы то ни было, я являюсь сознанием этого сновидения* – нет, на это он не способен» [25:84-5].

Здесь и появляется в лакановской речи, можно сказать, долгожданный Чжуан-Цзы, размышляющий над асимметрией Чжуан-Цзы, видящего во сне себя бабочкой, и Бабочкой, которая не может увидеть наяву Чжуан-Цзы. Лакан, размышляя над прославленной историей китайского мудреца, тотчас вспоминает маленького Человека-Волка, завороженного бабочкой, плененного ее взглядом. Бабочка – это взгляд, *объект а*, обычно ускользающий, остающийся слепым пятном, но в галлюцинации, во сне выставляющий себя напоказ. В чем же асимметрия между спящим Чжуан-Цзы и Чжуан-Цзы бодрствующим? –

«Проснувшись, Чжуан-Цзы может спросить себя, не является ли он бабочкой, которой снится, будто она – Чжуан-Цзы. Он будет прав в двух отношениях – во-первых, доказывая своим вопросом, что он не сумасшедший, то есть, что он не принимает себя вполне безоговорочно за Чжуан-Цзы, и, во-вторых, не веря вполне тому, что сам говорит. На самом деле, именно будучи бабочкой, возвращался он к корню собственной самости [*quelque racine de son identité*] – именно в этот момент был он, и по сути своей всегда остается, принимающей свою собственную окраску бабочкой – только потому является он, в конечном счете, Чжуан-Цзы. А доказательством служит то, что ему, когда он является бабочкой, не приходит в голову мысль, что бодрствующий Чжуан-Цзы, возможно, на самом деле всего лишь бабочка, которой вот-вот явится он во сне. Конечно, видя себя во сне бабочкой, он должен будет признать впоследствии, что он себя бабочкой представлял, но это не значит, что он пленен этой бабочкой – он и вправду представляет собой плененную бабочку, но того, кто ее пленяет, не существует, ибо в сновидении своем он ни для кого бабочкой не является. И только проснувшись, только оказавшись для других Чжуан-Цзы, попадается он в их расставленные для бабочек сети» [25:85].

Итак, бабочка – не просто героиня сновидения Чжуан-Цзы, и даже не только своеобразный корень его идентичности, но еще и взгляд на тот *объект а*, на котором держится все зрелище сновидения. Взгляд – объект скопического влечения, поддержи-

вающий фантазматический сценарий сновидения. Сновидение открывается взглядом.

Тайна *открывается* Фрейду. Он берет Ирму под руку, будто собирается ответить на ее письмо, упрекает ее, говорит, что она, мол, сама виновата. Ирма открывает рот... Её рот открывается...

Текст сновидения об инъекции Ирме

Рот открывается не только для того, чтобы говорить. Но обо всем по порядку. Сновидению «Об инъекции Ирме» посвящена отдельная, вторая глава книги, которая называется «Метод толкования сновидений». С этой главой темный лес научного обозрения остался позади, а впереди обозначился путь Фрейда, королевский путь познания сновидений. В начале третьей главы, бросая взгляд назад, Фрейд назовет эту, теперь уже пройденную, часть пути узкой ложбиной. Впрочем, для нас она еще впереди. Вот, наконец, явление Ирмы в пансионе «Белльвю»:

> *Большой зал – много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма, которую я тотчас отвожу в сторону, словно хочу ответить на ее письмо, упрекнуть ее в том, что она до сих пор еще не приняла «решения». Я говорю ей: «Если у тебя по-прежнему боли, то только по твоей вине. Она отвечает: «Если б ты знал, какие*

у меня боли в горле, в желудке и в теле, меня буквально сжимает». Я пугаюсь и смотрю на нее. Она выглядит бледной и отечной; мне приходит в голову мысль, что я проглядел какое-то органическое заболевание. Я подвожу ее к окну и осматриваю ей горло. При этом она слегка противится, как все женщины, которые носят вставленную челюсть. Я думаю, что ей-то этого не нужно. Рот открывается, и я вижу справа большое белое пятно, а чуть дальше – непонятные сморщенные образования, напоминающие носовую раковину, удлиненные серо-белые струпья. Я тотчас подзываю доктора М., который повторяет осмотр и подтверждает мое мнение... Доктор М. выглядит совсем не так, как обычно; он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг Отто тоже стоит теперь рядом с ней, а друг Леопольд производит перкуссию ее легких и говорит: «У нее приглушенные звуки слева внизу». Он указывает также на инфильтрованный участок кожи на левом плече (несмотря на одежду, я тоже ощущаю его, как и он...) Доктор М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Ничего страшного: у нее будет дизентерия, и яд выйдет...» Мы сразу же понимаем, откуда эта инфекция. Недавно, когда она себя почувствовала нездоровой, приятель Отто сделал ей инъекцию препарата пропила – пропилена... пропиленовой кислоты... триметиламина (его формулу я отчетливо вижу перед глазами)... Такие инъекции нельзя делать столь легкомысленно... По всей вероятности, и шприц не был чист [46:126].

Действующие лица семейного романа «Ирма»

Элизабет Рудинеско пишет, что это сновидение, наряду с самоанализом Фрейда, являет собой основание психоанализа, а точнее – «своего рода семейный роман происхождения и истории психоанализа» [40:536]. Чтобы понять, почему это сновидение – своеобразный семейный роман, обратимся к его действующим лицам.

ИРМА. Фрейд сообщает: «Летом 1895 года с помощью психоанализа я лечил одну молодую даму, которая находилась в близких дружеских отношениях со мной и моей семьей» [46:125]. Кстати, в 1895 году Фрейд еще не пользовался словом «психоанализ», оно появится в следующем году. Эта молодая дама входит в кабинет Фрейда в драматический момент терапевтических поисков и метаний; в частности, с одной стороны, на пике размышлений о теории раннего соблазнения, с другой – в момент интенсивной разработки теории сновидений. Именно эта пациентка сыграла ключевую роль в отказе Фрейда от теории раннего соблазнения.

В бодрственной реальности Ирму звали Эмма Экштейн. Этот, так сказать, факт был обнародован Максом Шуром в 1966 году. Эмма была сестрой друга Зигмунда Фрейда Фридриха Экштейна, известного всей Вене как «ходячая

энциклопедия». Считалось, что брат Эммы знает все, обо всем на свете у него справлялись его друзья – Гофмансталь, Рильке, Верфель, Малер, Лист и даже Брокгауз. С Фридрихом Экштейном Зигмунд Фрейд проводил время за игрой в тарок. Ясное дело, что история с Эммой получила в Вене широкую огласку. Какая именно история? История ее лечения, которую называют иногда «первосценой психоанализа» [3:119].

Эмма страдала истерией, в начале 1890-х она стала пациенткой Фрейда, в декабре 1894 года к нему в Вену приехал Флисс, осмотрел пациентку и посоветовал прооперировать ее нос, поскольку истерия имеет сексуальную этиологию, а гениталии связаны со слизистой оболочкой носа. С этой целью друг Фрейда, отоларинголог, теоретик биологических циклов и корреляций гениталии–нос приехал в Вену еще раз через пару месяцев. В начале февраля 1895 года он сделал операцию и тотчас уехал обратно в Берлин. Поначалу тридцатилетняя Эмма пошла на поправку, однако 8 марта Фрейд сообщает другу плохую новость: состояние пациентки резко ухудшилось. Потребовалась новая операция, в результате которой обнаружилось, что Флисс второпях оставил пятидесятисантиметровую марлю в носовой полости. Когда чужеродное тело извлекли, началось обширное кровотечение, так что Эмма чуть было не лишилась жизни. К концу мая здоровью ее, к счастью, ничто не угрожало.

История Эммы-Ирмы нанесла репутации Зигмунда-Вильгельма немалый ущерб, но Фрейд при этом неустанно продолжал защищать друга. Эмма же писала разные статьи, а в 1905 году уединилась, можно сказать, оставила этот суетный мир, чтобы жить в окружении книг. В 1924 году она умерла от церебральной апоплексии.

Стоит сказать, что на заглавную роль Ирмы претендовала, помимо Эммы Экштейн, и другая кандидатка. Дидье Анзье пишет, что за именем Ирмы могла бы скрываться и Анна Хаммершлаг-Лихтхейм, дочь любимого гимназического учителя Фрейда. Впрочем, аргументы Макса Шура, история с проведенной Флиссом скандальной операцией, убедительно указывают на Эмму Экштейн.

ОТТО. Историки психоанализа полагают, что в этой роли в сновидении появляется Оскар Рие, педиатр, семейный доктор Фрейдов. Он же – друг Зигмунда и партнер по игре в тарок. Впрочем, как говорит Лакан, к самым близким друзьям Фрейда Отто не принадлежит, при семье «он играет роль симпатичного, милого, щедрого на подарки холостяка, к которому сам Фрейд относится с долей благодушной иронии» [17:215].

ЛЕОПОЛЬД. На эту роль претендуют, по меньшей мере, два разных друга Фрейда. Анзье, Аппиньянези и Форрестер предполагают, что это –

Людвиг Розенберг, врач и партнер Фрейда по игре в тарок. В других источниках говорится о том, что в роли Леопольда – Эрнст фон Фляйшль-Марксов, коллега Фрейда, ассистент Брюкке, скончавшийся в 1891 году в возрасте 44 лет. От *Фл*яйшля, кстати, недалеко до *Фл*исса. Именно Вильгельм Флисс – тот самый друг, который рассказывал Зигмунду о триметиламине. Анзье полагает, что Фрейд минимизирует число указаний на Флисса в толковании сновидения об «Ирме», чтобы не шокировать друга. Скорее всего, доктор Леопольд – это и Людвиг, и Эрнст, и Вильгельм.

М.. Интересно, что Фрейд не наделяет это действующее лицо своего сновидения полным именем, подобно «Отто» и «Леопольду». Казалось бы, сведение имени до начальной буквы позволяет это имя легко развернуть. Однако нет: М., согласно дотошным историкам, – это Йозеф Брейер. Брейер, как и остальные мужские персонажи сновидения, – друг и врач. Но, кроме того, он еще и отцовская фигура. М. воплощает собой, как говорит Лакан, фигуру воображаемого отца.

Итак, на сцене сновидения – пациентка и собравшиеся вокруг нее врачи. Прямо консилиум! Терапевтическая сцена имеет четкое гендерное распределение: доктора-мужчины осматривают, диагностируют, предписывают лечение страдаю-

щей истерией Ирме. Сновидение, тем самым, «повторяет сцену лечения Фрейдом пациенток-истеричек и его обращения за советом по данному случаю к Брейеру. Так что сцена сновидения представляет собой краткое повторение сцены рождения самого психоанализа» [3:119]. Рождение и наводит на мысль о первосцене. Осмысление первосцены, сцены соблазнения, семейного романа и движет анализом Фрейда. Он на пороге психоанализа.

Смысл, мысль, желание, сексуальность выписывают это открытие. Более того, сама мысль оказывается заместителем галлюцинаторного желания! Эта радикальная идея не может пройти мимо Лакана: мысли «имеют мало общего с предметом изучения феноменологии мышления, будь то мышление образное или какое-либо другое. Речь здесь идет не о мыслях в общеупотребительном смысле, а о желании» [16:62]. Причем, кто знает, что это за желание?

> «Одному Богу известно, что это за желание... оно исчезает и появляется, как колечко, бегущее по веревочке от одного игрока к другому. В конечном итоге, мы не всегда знаем, следует ли его относить за счет бессознательного или же сознания. Более того, неизвестно, чье это желание и о какой нехватке идет в нем речь» [16:62].

Сценарий сновидения: от желания видеть к желанию знать

У сновидения своя драматургия, свой сценарий. В сновидении «Об инъекции Ирме» очевидны два акта. В первом – Фрейд с Ирмой один на один. Во втором Ирму осматривают три доктора – М., Отто и Леопольд.

Первый акт разворачивается в большом зале. Вначале там много гостей. Затем фокус наводится на Фрейда, который берет под руку Ирму, отводит ее в сторону, и между ними происходит разговор, в котором доктор упрекает пациентку в том, что она не соглашается с его решением. Ирма в ответ говорит об органических болях. Фрейд пугается, всматривается в нее, подводит к окну и заглядывает ей в горло. Первый акт, открывшийся общим планом большой залы, заканчивается крупным, если не сказать предельным планом слизистой полости носоглотки.

Второй акт: Фрейд подзывает доктора М., который подтверждает его мысль об органическом заболевании. Возле Ирмы сгрудились друзья-врачи Фрейда – Отто, М. и Леопольд. Вокруг пациентки

> «завязывается бессвязная беседа, напоминающая скорее не то игру в абракадабру, не то и вовсе диалог глухих <…> Вся троица настолько смехотворна, что по сравнению с подобными машинами по производству абсурда любой покажется просто

небожителем. Знаменательны же эти персонажи тем, что воплощают собой ту идентификацию, в которой и заключается формирование эго» [17:224].

Трио врачей-друзей нарциссически отражают Фрейда. Сам Фрейд, находящийся в этом акте в стороне, ощущает ту же инфильтрацию на левом плече, что и у Ирмы. Так что и она поставляет ему черты для идентификации.

Но дело не только в нарциссической игре идентификаций, но в самых насущных проблемах, которые пытается разрешить Фрейд. Как ни странно, дружеское трио как будто дразнит сновидца, возвращая ему его сообщение в какой-то буффонаде. На сцене появляются, как называет их Лакан, клоуны и,

> «словно издеваясь, перебрасываются как мячом самыми животрепещущими для Фрейда вопросами: *Каков смысл невроза? Каково направление лечения? Насколько моя терапия неврозов хорошо обоснована?* И за всем этим стоит Фрейд, который сновидение видит, оставаясь при этом Фрейдом, который ищет к сновидениям ключ. Вот почему ключ к разгадке сновидения является одновременно ключом к разгадке невроза и ключом к правильному лечению» [17:226].

Ключ – в сексуальности. Дидье Анзьё отмечает, что в первом акте действует «интенсивное гетеросексуальное притяжение», желание видеть и познавать «тайны соблазнения и зачатия» [2:48].

Гетеросексуальность подчеркивается тем, что перед Фрейдом не только Ирма, но за ней (в ней, вместе с ней) ее подруга, а также Марта и гувернантка (та, что с вставными зубами). Помимо этого женского трио, за кадром и еще одно: пациентка Ирма, жена Марта, дочь Матильда. Первый акт: Фрейд и женщины.

Во втором акте гендерная картина переворачивается, и перед нами Ирма и трое мужчин. Явившееся врачебное сообщество удовлетворяет свое желание знать. Два желания связывают между собой первый и второй акты. Желания эти – знать, видеть, познавать – сексуальны, ведь, в конечном счете, они обращены к собственному происхождению, рождению, к тайне в женском, к загадке женского желания. Гротексный характер ученого трио будто иллюстрирует мысль Лакана о том, что «желание знания не является тем, что к знанию нас приводит. Приводит к знанию... не что иное, как дискурс истерика» [28:24][3].

Фрейд подводит Ирму к окну, заглядывает ей в рот, она *«слегка противится»*. Рот ее «хорошо открывается (аллюзия на фелляцию) и позволяет „познание“» [2:48]. Рот открывается познания ради.

Первый акт завершается жутким видом живой плоти, и тотчас начинается второй акт. Жижек отмечает, что в «момент невыносимого ужаса, тональность сна меняется, и кошмар резк

превращается в комедию: появляются три доктора, друзья Фрейда, который на забавном псевдо-профессиональном жаргоне приводят многочисленные взаимоисключающие причины, по которым никто не виновен в заражении Ирмы инфицированным шприцом» [14:180], точнее не виновен в первую очередь сам Фрейд. Так второй акт прикрывает, нейтрализует ужас концовки акта первого. Так Фрейду удается избежать столкновения с *реальным* травмы. Так фантазм онейросценария скрывает травматическое ядро. Логика фантазма нацелена на сокрытие *реального*. Драматический сценарий завершается разрешением. Драма разрешается пониманием. Мужское трио вдруг осознает источник инфекции: инъекция триметиламина, сделанная Отто. Его легкомысленность и нечистый шприц – причина болей Ирмы. Желание видеть, знать, познавать обнаруживает химическую формулу сексуальности – триметиламин.

Логика сновидения – логика кастрюли, чайника и котелка

Желание не следует формальной логике. Логика сновидения – непротиворечива. Примером, который приводит Фрейд, становится *der Kessel*, то есть то, что на русский язык переводится и как чайник, и как кастрюля, и как котелок. Сновидение «Об инъекции Ирме» призвано оправдать сновидца,

и на этом пути, на пути этого желания оно и не думает соблюдать ограничивающие законы формальной логики:

> «Вся защитная речь – а ничем другим этот сон и не является – живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что тот вернул ему испорченную кастрюлю. Во-первых, он вернул ее в целости, во-вторых, когда он брал кастрюлю, она уже была дырявой, а в-третьих, он вообще не брал у соседа кастрюли» [46:138].

Итак, логика сновидения как бы нелогична. Она основана не на исключении; не на выборе либо одного, либо другого, а на поддержании всех приходящих в голову возможностей. Вместо либо/либо – *и* одно, *и* другое, *и* третье. Интересно, что пример онейрологики Фрейд берет из анекдотической, но бытовой ситуации, нередко случающейся наяву. В ситуации с Ирмой,

> «как в истории с прохудившимся котелком, преступления не было, потому что, во-первых, жертва – о чем сновидение говорит на все лады – была уже мертвой, то есть больной органическим заболеванием, лечение которого было не в компетенции Фрейда; во-вторых, убийца, Фрейд, неповинен был в каком-либо намерении причинить ей зло; и, в-третьих, преступление, о котором идет речь, пошло больной лишь на пользу, так как дизентерия (здесь налицо игра слов дифтерия

дизентерия) пойдет ей только на пользу: все болезненное, все дурные соки в организме уйдут вместе с ней» [17:240].

Защитная речь онейроадвоката – речь-противоречие, но логика сновидений противоречий не знает. Фрейд – не преступник, да и его другой, друг его Флисс – тоже не злоумышленник. О каком злом умысле речь, если все во благо пациентки! Если желание во благо! Во благо субъекта желания!

Рождение субъекта желания, желание признания и желание желания

Итак, желание сновидения – оправдать сновидца. Благодаря сновидению «Об инъекции Ирме» Фрейду открывается тайна. Какая? Тайна желания!

Тайна того, что в каждое сновидение вписаны желания. Именно через сновидение «Об инъекции Ирме» Фрейд проводит, можно сказать, главный тезис всей книги: сновидение – исполнение желания, точнее, сновидение – это представление желания в исполненном виде[4]. Пока человек спит, во сне обнаруживаются те его желания, о которых он зачастую ничего не подозревает. Во сне, как говорит Фрейд, пока одна часть души спит, другая начинает пробуждаться. И желания различных «частей» исполняются. Понятно, что это может быть очень даже опасно. Часть души во сне просыпается. Сновидение – пробуждение.

Разумеется, мысли о том, что во сне сбываются желания, приходили в голову не только Фрейду. О том, что и сновидения, и психозы – своеобразные исполнения желания, писал в 1861 году один из основоположников научной психиатрии Вильгельм Гризингер. Ту же гипотезу в связи с аменцией высказывал и не кто иной, как Теодор Мейнерт, один из учителей Фрейда.

О том, что желания исполняются в галлюцинациях, Фрейд пишет в своей рукописи «Паранойя» в феврале 1895 года. Вскоре он понимает, что дело отнюдь не ограничивается галлюцинациями и бредом. В том, что человеческий субъект – это субъект желающий, его окончательно убеждает сновидение «Об инъекции Ирме».

Интересно, что в «Случае Доры», который по сути дела представляет собой продолжение «Толкования сновидений», Фрейд уверенно говорит, что именно идея универсального характера исполнения желаний привела к неприятию его теории. Фрейд убежден, что его теории было бы обеспечено признание, если бы он ограничился рассуждениями о том, что каждое сновидение содержит в себе некий смысл, и смысл этот можно раскрыть, используя определенные методы толкования. Если бы он сказал, что иногда во сне исполняется желание, а иногда материализуются какие-то страхи, иногда продолжается процесс размышлений, начавшийся наяву, а иногда вызревает намерение, зарождает-

ся творческий замысел и т. д., то не было и проблем с принятием его теории сновидений. Однако вместо этого многообразия Фрейд «выставил только одно общее утверждение, которое ограничивает смысл сновидения всего одной-единственной формой мысли, изображением желаний» [48:262]. Итак, принципиальное решение по поводу «Ирмы» заключается в том, что сновидение это формализует желание, желание исполнения желания. Желающий субъект – субъект сновидения. Желание Фрейда – в признании.

Так является лакановская формула: желающий субъект – субъект признания. Желание требует признания. Важен не столько объект желания, сколько признание самого желания, самого права на это желание. Фрейду необходимо признание Ирмы, необходимо признание со стороны коллег. Каково его место в символическом? Кто он для других? Для Другого? Все происходит так, будто признание существования – в Другом. В его взгляде. В его словах. В его желании.

Ирма открывает рот. Она должна признать правоту Фрейда. В его сне ей стоило бы подтвердить его желание. Желание – форма мысли. Оно может быть сформулировано и высказано.

Желание связано с голосом, но оно превосходит значение. Зарождающийся где-то в глубине глотки голос – между желанием и влечением. С одной стороны, решение загадки сновидения –

удовлетворение желания, связанного с означающим. С другой стороны, действует измерение влечения, которое следует не означающей логике, а вращается вокруг *объекта а*, голоса-объекта, ускользающего от значения. В каждом высказывании можно усмотреть драму соперничества желания и влечения.

Фрейд заглядывает Ирме в рот, будто ищет истоки слов, словно разыскивает источник слова, основу самой речи. Где голос? Где *объект а*? Где объект-причина желания?!

Ирма открывает рот, и на сей раз не для того, чтобы говорить, высказывать симптомы, жаловаться, но чтобы показать место вылетевшего голоса, *объекта а*. Парадокс голоса как раз и состоит в том, что он – между душой и телом. Голос прописывает конверсионную истерию, переживания Ирмы. Истерия говорит настолько же языком, насколько и телом. Истерия – говорящее тело. Ирма не лишний раз подчеркивает это во сне Фрейда. И в этом, в частности, – истина этого сновидения. Истина этого сновидения – «не истина (научного) открытия, но истина (религиозного) откровения: оно имеет отношение к измерению священного, к его способности скорее указывать, чем означать. Лакан переводит ее в библейские термины „Ты есть это, что далеко от тебя, что в конце концов бесформенно… Мене, Текел, Перес…“» [6:58].

Рот Ирмы открывается, но на сей раз не для того, чтобы говорить, а чтобы указать на

зловеще реальное жизненной субстанции, неопосредованной никаким означающим, на жуть недифференцированной, несимволизирусмой, невыговариваемой органической материи, той, о которой невозможно ни словом сказать, ни пером описать. От жуткой как взгляд Медузы глотки Ирмы Фрейд отпрянул, но не проснулся. Он тотчас подозвал доктора М., затем появились Отто и Леопольд. Друзья заняли место Фрейда, который как бы исчез со сцены, выпал из света рампы, оказался где-то в стороне, за кадром. Теперь три доктора осматривают Ирму, а Фрейд в конце концов получает откровение в виде формулы триметиламина.

К этой формуле мы еще неизбежно вернемся, а пока зададимся весьма простым вопросом: где Фрейду открылась тайна? Где получил он откровение? Там, где его как субъекта *cogito* не было! Там. Во сне. В сновидении «Об инъекции Ирме». Фрейд – субъект тайны, субъект бессознательного желания, субъект истины. Еще раз обратимся к мысли Лакана о том, что сновидение об «Инъекции Ирме» «это сновидение того, кто задался целью установить, что сновидение собой представляет», и перефразируем ее так: это сновидение показывает желание того, кто пожелал сновидение и для этого, разумеется, отправился туда, где желания рождаются, туда, где они сбываются, туда, где сам он, субъект, готов исчезнуть.

Желание исполнено. Какие прогнозы?

Как еще предстать желанию в сновидении, как не сбывшимся? Как бы тавтологично это ни звучало, но в сновидении представлено то, что в нем представлено. В отличие от того, что принято называть *реальностью*, в нем не высказать ни уже отсутствующего прошлого, ни сделать прогноз на еще не наступившее грядущее. И все же сам факт исполнения желания в сновидении содержит ретроспективно, после пробуждения, стрелу времени, устремленную в будущее. Здесь и только здесь, в том, что называется *реальностью,* содержится возможность предвидения задним числом. В самом последнем пассаже книги Фрейд задается вопросом о значении сновидения для знания будущего и дает на него неожиданный ответ:

> «Об этом, разумеется, не следует думать. Вместо этого хотелось бы сказать: для знания прошлого. Ибо сновидение в любом смысле проистекает из прошлого. Хотя и древняя вера в то, что сновидение раскрывает перед нами будущее, не лишена доли истины. Сновидение, изображая желание исполненным, уводит нас в будущее; но это будущее, воспринимаемое сновидцем как настоящее, из-за желания, которое нельзя разрушить, представляется точным подобием прошлого» [46:620].

Желание как таковое, как нехватка в настоящем, как устремленное в будущее намерение, – удел сознания, совместного, разделенного с другими знания. Иначе говоря, только символическая дифференциация раскрывает пространство становления времени и обнаруживает условия возникновения сознания. Единственная возможность представить желание при невозможности различения символизирующего *Fort/Da*, в неосуществимости здесь и там, сейчас и тогда – сделать его сбывшимся. Потому Фрейд и говорит, что *сновидение не может изобразить желание иначе, нежели в осуществленном виде*. Сновидение представляет сцены исполнения, сцены исполненных желаний вне времени, вне дифференциации, вне жестко структурированного психического аппарата.

1895 год – совершенно особенный для Фрейда и истории психоанализа и не только благодаря «Ирме». В этом же году он пишет «Набросок одной психологии», в котором предпринимает первую попытку построения психического аппарата. Именно осмысление этого трактата как неудачного опыта научного, неврологического проекта концептуализации душевой жизни приведет Фрейда к необходимости создания своей теории – психоанализа, к написанию своей Библии – книги «Толкование сновидений».

В «Наброске», завершенном в сентябре 1895 года и отправленном Флиссу, три раздела

посвящены теории сновидений. Фрейд утверждает, во-первых, что сновидение – это исполнение желания, и, во-вторых, что оно – галлюцинация. Эти принципиальные соображения будут формулироваться и в дальнейшем, в «Толковании сновидений»: желание исполняется в форме галлюцинаторного переживания, и первое желание представляет собой галлюцинаторное воспроизведение воспоминания об удовлетворении. Сновидение – одна из форм воспоминания, оживление следов памяти. Сновидение – пробуждение памяти спящего, его желания, его ответа, его ответственности[5].

Желание Фрейда и вопрос ответственности

О каком желании Фрейда идет речь в сновидении об инъекции? Очевидно, о желании снять ответственность за лечение Ирмы. Фрейд заявляет, что не хочет быть виноватым в болях этой пациентки. Она сама в них виновата. На ней лежит ответственность за лечение. Неслучайно возникает и образ другой пациентки, подруги Ирмы, которая вызывает у Фрейда куда больше симпатии, ведь подруга эта куда умнее.

Благодаря сновидению Фрейд снимает с себя вину за продолжающуюся болезнь пациентки: «сновидение освобождает меня от ответственности за самочувствие Ирмы... *следовательно, его*

содержанием является исполнение желания, его мотивом – желание» [46:137]. Возможно, все дело в неверном диагнозе, в том, что речь не идет об истерии. Боли Ирмы – от тяжелого органического поражения.

Итак, сновидение об инъекции Ирме – это сон об ответственности, собственной ответственности Фрейда за неудачу в лечении Ирмы, и это показывает, что ответственность является ключевым фрейдовским понятием [11]. Следуя логике Жижека, прочитывающего категорический императив Канта, можно сказать, что Фрейд должен изобрести свой долг, найти свою ответственность, перевести абстрактные предписания морального Закона в конкретные обязательства перед Ирмой. Дело совсем не во врачебном долге. Дело в поиске этики отношений с пациенткой. Дело в этике бессознательного, в его этическом статусе. Дело в настоянии на собственном желании, в чистой способности желания. Такова позиция Лакана.

Еще желания Фрейда, о которых сообщает он сам

Помимо снятия с себя ответственности за лечение Ирмы, в непосредственной связи с ним имеется еще и явно неявленное желание выгородить Флисса. Сновидение Фрейда освобождает не только его самого от ответственности, но и друга Флисса за

ошибку в лечении Эммы Экштейн. Фрейд пребывает между двух огней – между собой и пациенткой, между собой и другом, между другом и пациенткой. Ему необходимо отстоять компетентность Флисса.

В «Толковании сновидений», между тем, есть еще одно сновидение, которое с куда большей откровенностью свидетельствует о защите Фрейдом Флисса как самого себя, как себя другого. Это сновидение «О нападках Гёте на М.». В этом сновидении Фрейда Гёте набрасывается на некоего молодого человека. Поводом для сновидения стали нападки со стороны неизвестного молодого автора, которым, как пишет Фрейд, подвергся «один выдающийся человек, мой друг». Понятно, что речь о Флиссе. Сновидение говорит: «если ты не понимаешь книгу, то слабоумный ты, а не автор» [46:335]. Фрейда настолько возмутила рецензия на книгу Флисса, что он разорвал отношения с опубликовавшим ее медицинским журналом. Не удивительно, что Фрейд называет это сновидение эгоистическим, хотя, казалось бы, речь идет совсем не о нем, а о Гёте и М., то есть о некоем малосведущем рецензенте и Флиссе. Фрейд предельно откровенен. Дело не только в защите друга. Защита друга – защита себя. Фрейду легко поставить себя на место друга. Ему остается «сказать себе: „Тебя ожидает такая же критика, как и в случае твоего друга, и отчасти тебя уже так и критикуют“, и могу теперь заменить „он“ в мыслях сновидения на

„мы“» [46:444]. Флисс – это буквально другой Фрейд. Разве удивительно, что яблоком раздора в их отношениях стала тема бисексуальности и вопрос о том, кто из друзей первым о ней заговорил. Более чем симптоматично!

В связи с этим явным желанием выгородить Флисса возможна и еще одна мысль. Флисс – не только другой Фрейда, но и его Другой. Что значит в данном случае Другой с большой буквы? Что он – желание Фрейда, желание переноса во всей двусмысленности этого словосочетания. Флисс для Фрейда субъект якобы знающий, и желание Фрейда – желание Другого, Флисса[6].

Сновидение об инъекции Ирме *повторяет* травматическое переживание, связанное с проведенной Флиссом операцией. Вот так. Фрейд изо всех сил выгораживает одного друга, выгораживает как самого себя, а другого друга высмеивает: «я хочу посмеяться над доктором М.» [46:133]. Какие у Фрейда основания для того, чтобы высмеивать старшего товарища? Все дело в том, что доктор М., то есть Брейер, подобно Ирме, не принимает его «решения». Фрейд с Флиссом по одну сторону. Ирма с Брейером – по другую. Им сновидение и мстит. И не только им, а заодно еще и доктору Отто, рассердившему замечанием о неполном излечении Ирмы. Причем Отто получает и за Ирму, и за Флисса, и за подаренный ликер, пахнущий сивухой. Причем упрек за то, что Отто выступил

против Фрейда, и за ликер объединяются в сновидении в инъекцию пропиленового препарата. В конце концов, все три доктора несут ответственность за свое собственное невежество. Все они несут ответственность за то, что вместе с Ирмой не на стороне сновидца.

Остается задаться одним вопросом: разве Фрейд не сталкивался наяву с этими мстительными желаниями? Разве они ему неизвестны? В общем, вопрос вот в чем:

> «как получается, что Фрейд, который будет в дальнейшем говорить о функции бессознательного желания, здесь, в качестве первого шага своего доказательства, ограничивается тем, что преподносит нам сновидение, которое исчерпывающе объясняется удовлетворением желания, которое иначе как предсознательным, а то и вовсе сознательным, не назовешь?» [17:217].

Всегда еще и желание сказаться, или Фрейд и теория коммуникации

Ясно, что все эти желания – выгородить Флисса, переложить ответственность на Ирму, высмеять коллег – далеко не единственные. Добавим к ним еще одно – *желание сказаться*. Сказаться диалектично. Сказаться в диалоге. Словами Лакана, «сновидение об Ирме детерминировано двояко: речью диалога, который Фрейд ведет с Флиссом, с одной

стороны, и сексуальными основаниями, с другой. Сексуальные основания также двойственны...» [17:197]. Речь и сексуальность – отношения, связь, обмен. Обмен и обман. Коммуникация и сексуальность – невозможность. Удивительным образом именно эта невозможность и делает возможным психоанализ. В основании его, как хорошо известно, лакановская формула «сексуальные отношения не существуют». В том числе и в самом прямом смысле: психоанализ основан на любви в переносе, разворачивающемся на невозможных сексуальных отношениях. Фрейд ведет с Ирмой разговоры о любви. Он увлечен теорией раннего соблазнения. Она не принимает его решения, не верит в его теорию. Еще нет слова «психоанализ», еще нет теории переноса, еще нет идеи психической реальности, но эрос желания витает между Фрейдом и Ирмой (а также Мартой, Матильдой и другими).

Лакан и на сей раз – в связи с диалектикой желания – подчеркивает *интерсубъективный характер желания* в сновидении. Желание – не только желание Другого, но в желании Другого это желание – желание сказаться: «Одно из измерений желания сновидения заключается в том, чтобы сказаться» [17:182]. Дело не только в том, чтобы показаться, но и в том, чтобы сказаться, высказать сообщение. На первый взгляд, эта мысль Лакана противоречит следующей мысли Фрейда: «Сновидение никому ничего не хочет говорить, оно не

является средством сообщения, наоборот, оно ра(считано на то, чтобы остаться непонятым» [52:147 В логике сновидения мы сталкиваемся с тем, чт в него вписано и желание сказаться, и желание н сказываться, и желание быть понятым, и желани остаться непонятым. Фрейд отнюдь не противор(чит Лакану, если учесть, что ни один, ни другой н верят в прозрачность коммуникации, знака, речи Искажение не искажает сообщение, а его формир ет. Формирует, формулирует, оформляет и отпра ляет другому. Сновидение говорит с Фрейдом, о его анализирует, и

> «как раз потому, что он говорит о себе само и выясняется, что в сновидениях говорит за не кто-то другой. Именно этой мыслью и делится о с читателем... Очевидно становится, что нек другой, некий второй персонаж вступает с бытие субъекта в какие-то отношения. Вот вопрос, кот рый занимал Фрейда от начала и до конца его тво ческого пути» [17:195].

В сновидении говорит другой. Говорит с Фре дом и за Фрейда. Бессознательное – дискурс др гого. Парадокс в том, что кто-то отправляет ем сообщение за него. Он, казалось бы, должен бы отправить его себе сам, но симметрии здесь не И быть в зеркальной онейроконструкции не може Такова лишь фундаментальная иллюзия нарци сизма – симметрия, симметричность диспозиці отправителя и получателя.

Ирма говорит. Правда, лучше бы она не просто говорила, а делала это так, как ее подруга. Подруга эта явно умнее, ведь она доверяет Фрейду больше, чем Ирма: «*Рот хорошо открывается*; она рассказала бы мне больше, чем Ирма» [46:130]. Рот открывается, чтобы говорить! Рот открывается, чтобы изрекать истину.

Здесь-то Лакан и обращает внимание на очевидность, которая зачастую оказывается незамеченной: сновидение в понимании Фрейда не принадлежит психологическому порядку. Его интересует «исключительно семантический элемент, передача смысла, артикулированная речь, то, что он называет мыслями, *Gedanken*, сновидения» [17:181]. Его интересует сообщение, причем не только как депеша, телеграмма, *message*, но и как *Verkehr*, то есть сообщение, обращение, сношение, коммуникация, связь, транспорт. В написанной через пятнадцать лет после «Толкования сновидений» принципиальной статье «Бессознательное» шестая глава так и будет называться – «Сообщение между системами». Речь в ней пойдет о путях сообщения между различными инстанциями – бессознательным, предсознательным и сознанием-восприятием. Сообщение как *media*, сообщение как *message* – вот что волнует Фрейда. И ему не хуже, чем Маршаллу МакЛюэну ясно, что *media* и есть *message.*

Мысль, ее смысл, ее сообщение (во всей двусмысленности этого слова) – все «то, что занимает

его, не принадлежит к явлениям психологического порядка» [17:181]. Фрейд – гений лингвистики, но никак не психологии! Именно эту мысль годами настойчиво повторяет Лакан. Фрейд нацелен на то, чтобы разобраться в работе памяти, архивации следов, в записи и перезаписи сообщения, в связях между инстанциями.

Ирма говорит, подруга ее говорит, друзья Фрейда говорят, сновидение говорит, и говорит оно о том, что «сновидение говорит» [18:19]. Оно говорит, и в говорении – желание. Желание говорить. И это еще не все. Имеется в этом говорении и еще одно желание. Чуть ли не замолчать.

Всегда уже и желание спать на пределах *реального*

Всегда обнаруживающееся в связи со сновидением желание, о котором говорит Фрейд, это желание спать. Это, пожалуй, единственное желание, о котором можно сказать, что оно всегда уже есть в сновидении. Оно вызывается функцией сновидения – охранять сон. Сновидение, как говорит Фрейд, – страж сна. И на первый взгляд это звучит то ли как парадокс, то ли как абсурд, ведь сновидение – отнюдь не покой и тишина, а зачастую вообще шум и ярость, шум и гам. Неслучайно впоследствии появится куда более логичная на первый взгляд теория Масуд Хана,

согласно которой сновидение – не страж, а нарушитель сна[7].

Разобраться с этой сложной и решительной мыслью Фрейда помогает Лакан. Сновидение своим шумом, всеми своими событиями, выяснениями отношений с Ирмой и друзьями, охраняет сон, но отнюдь не от пробуждения в реальность, а от столкновения с *реальным*. Страж стоит совсем не там, где, казалось бы, должен стоять. Не на границе между сном и реальностью. Радикальность психоаналитической мысли в том и заключается, что реальность сновидения и реальность яви не противоположны друг другу. Более того, они вообще подобны. Шум и гам может быть, что тут, что там. Обе реальности, говоря словами Лакана, структурированы как фантазм.

Сновидение содержит в себе желание, которое, собственно, и объясняет его охранительную функцию. Это желание – *желание спать*. Именно им определяется работа сновидения, то есть именно это желание формирует фантазматический сценарий сновидения. Именно оно приводит к сновидению во сне, а не в реальности. Указав на желание спать,

> «Фрейд делает любопытное замечание, что сновидение вызывает пробуждение как раз тогда, когда оно вот-вот готово выдать, наконец, истину, так что пробуждается человек лишь для того, чтобы благополучно спать дальше – спать в *реальном*, или, говоря точнее, в реальности» [28:69].

Обе реальности устроены для сна. Связывающее их *желание спать* представляет собой «самую большую загадку из тех, что Фрейд нам в „Толковании сновидений“ задал» [28:69]. Эта загадка, для Лакана, являет собой загадку *реального*, *реального* в его потусторонности *реальности*.

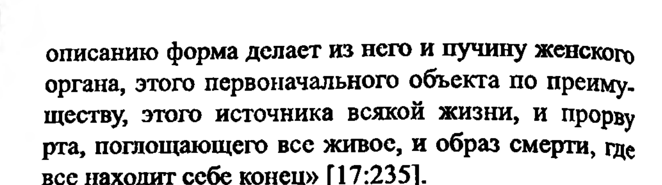
Желание спать оказывается загадочным ввиду своей деконструктивной функции. Отныне сновидение и реальность – не противоположны. Спать можно с одинаковым успехом во сне и наяву. Реальность сконструирована подобно сновидению. Как психическая реальность Фрейда деконструирует фундаментальную оппозицию субъективного и объективного, так желание спать подвергает деконструкции оппозицию сновидения и реальности. И в одном, и в другом случае речь идет о скрадывающей все трещины, пробелы и провалы фантазматической дискурсивной конструкции. Таков ответ Фрейда-Лакана на вопрос Деррида, возникающий в самом конце «Грамматологии»: «Не является ли противоположность сна и яви сама метафизическим представлением?» [9:511].

Исходя из такого рода деконструкции, невозможно говорить и о возможном онейроцентризме психоанализа в смысле его сосредоточенности или, тем более, центрированности на опыте сновидения. Об этом Лакан прямо говорит в XI семинаре: психоанализ убеждает нас в том, «что свести наш опыт к формуле *жизнь есть сон* он не подает ни малей-

щего повода. Ни один другой вид человеческой деятельности не ориентирован в такой степени на то, что лежит в сердцевине нашего опыта, – на ядро *реального*» [25:60]. Лакан видит тупики онейроцентризма. Он не устает повторять, что аналитик обязан «из плоскости сновидения хотя бы немного вырваться» [28:161].

Сновидение «Об инъекции Ирме» дважды направляется к невозможному, к недоступному ядру. Во-первых, столкновение с *реальным* в сновидении «Об инъекции Ирме» происходит перед самой сменой декораций, т. е. перед тем, как вокруг пациентки собираются доктора. Еще раз вспомним, какой картиной завершается акт «Ирма и Фрейд»: «Рот открывается, и я вижу справа большое белое пятно, а чуть дальше – непонятные сморщенные образования, напоминающие носовую раковину, удлиненные серо-белые струпья». Рот открывается, обнаруживая приближение *реального*! Оно приближается как плоть, как ничем не опосредованная пульсация самой материи. Это откровение *реального* отвратительно в своей неопосредованности. Ирма открывает рот. Фрейд заглядывает, застывает, будто столкнулся в глубине глотки с убийственным взглядом, но мгновенно вытягивает себя в сторону – зовет на помощь Брейера. Лакан так и представляет в чреве горла Ирмы голову Медузы, которая является

> «откровением чего-то воистину неизреченного, глубин горла, чья сложная, не поддающаяся

описанию форма делает из него и пучину женского органа, этого первоначального объекта по преимуществу, этого источника всякой жизни, и прорву рта, поглощающего все живое, и образ смерти, где все находит себе конец» [17:235].

Работа сновидения заключается в том, чтобы экранировать *реальное*, не допустить его явления. *Реальное* – по ту сторону сновидения, которое его скрывает, укрывает, покрывает; и искать его следует «за той нехваткой представления, которую образы сновидческие лишь замещают. Именно там лежит то *реальное*, что деятельностью нашей в первую очередь руководит, именно там нападает психоанализ на его след» [25:68]. И дело отнюдь не только в работе сновидения. В этом экранировании символическими построениями состоит сама работа психического становления и формирования представлений о реальности. Сновидению «Об инъекции Ирме» не удается надежно заэкранировать *реальное*. По идее, столкнувшись со взглядом Медузы в горле Ирмы, Фрейд должен был бы проснуться, но он продолжает спать, призывая на помощь Брейера[8].

Удивительно, но и вторая часть сновидения завершается возвратом *реального*, только на сей раз совсем под другой личиной – под видом химической формулы триметиламина. Ученому – реальное по науке! Если первый акт завершается подступом к невозможной Вещи, невообразимой *ламелле*, то

второй – «научным *реальным*, всегда уже возвращающимся на свое место, *реальным* формулы, которая выражает автоматическое и бессмысленное функционирование природы» [13:66].

Разница между двумя столкновениями с *реальным* – в тех пределах, со стороны которых приближается к ним сновидение. В первом случае дело происходит на границе *воображаемого* и *реального*, или, иначе говоря, сновидение подводит Фрейда к *реальному* со стороны *воображаемого*, исходя из его зеркальной конфронтации с Ирмой. Образ отталкивает, ведь дальнейшее приближение к нему готово к распаду самой изобразительной ткани. Вот-вот и сновидение подведет сновидца к уничтожению самой изобразительности [*Darstellbarkeit*]. В конце второго акта Фрейд приближается к границе *реального* со стороны *символической*, где в результате своеобразного научного консилиума возникает «язык, лишенный богатства своего человеческого смысла, трансформированный в *реальное* бессмысленной формулы» [13:66]. Впрочем, если формула известна, то она уже не бессмысленна. В ней заключены любовь и смерть.

Эти акты на пределах реального, прорывы к границе сначала со стороны воображаемого, затем – со стороны символического, не исчерпывают смысл сновидения «Об инъекции Ирме». К этим пределам добавляется третье, *реальное* «таинственного не знаю что, необъяснимого „чего-то“, что

превращает обычный объект в возвышенный, в то, что Лакан называет *объектом а*» [13:66].

Именно в сновидении – шанс встречи с *объектом а* как с несимволизированным, не включенным в сценарий *реальным*. Анализ сновидения как фантазматической конструкции – отнюдь не предел психоаналитического интереса. Именно по этой причине психоанализ – не герменевтика, и уж тем более не интеллектуальная игра оригинальных интерпретаций. Анализ устремлен к пределам, и чтобы к ним приблизиться, нужно понять, как образуется форма сновидения.

Формальное желание, или Фрейд – наследник будущего формализма

Вопрос о форме сновидения незамедлительно связывается с вопросом желания. В начале третьей главы «Толкования сновидений» Фрейд задумывается: если сновидение представляет желание, сбывшееся желание, то «откуда берется та причудливая и непонятная форма, в которой оно выражается?» [46:141]. Форма не обнаруживает желание явно, напротив, она его скрывает. Фрейд возвращается к этому вопросу еще раз в начале четвертой главы:

> «сновидение об инъекции Ирме поначалу не кажется изображением исполнения желания сновидца. У читателя не возникнет такого впечатления,

но я и сам не знал этого, пока не провел анализ. Назовем такое поведение сновидения, которое нуждается в объяснении, *фактом искажения в сновидении* [*Traumentstellung*], и тогда встает второй вопрос: откуда берется это искажение?» [46:154].

Итак, желание скрыто в искажении, в требующем объяснения онейроискажении [*Traumentstellung*]. В этом процессе и заключена работа сновидения [*Traumarbeit*]. Что эта работа? Как она осуществляется?

Понятие *работы сновидения* противоположно работе анализа[9]. Слово «работа» – одно из самых часто встречающихся в текстах Фрейда. Оно возникает в самых разных сочетаниях. Речь может идти как о работе скорби, так и о работе меланхолии, как о работе сновидения, так и о работе психики. В конце четвертой главы Фрейд пишет, что работа психики при образовании сновидений «распадается на две функции: на создание мыслей сновидения и на их превращение в содержание сновидения» [46:508].

Итак, работа сновидения сначала производит онейромысли, затем их оформляет в сновидение. В таком понимании, по-видимому, и заключена возможность ошибочного понимания. Сначала вырабатываются мысли, затем они репрезентируются. Здесь, похоже, Фрейд и оставляет ложный след, след, который возьмут многие его последователи, след, о котором он сам будет не раз сожалеть. След

этот – представление о двух различных уровнях, двух содержаниях – скрытом и явном, латентном и манифестном.

Фрейду придется потом – и чаще всего напрасно, ибо его уже не хотят слышать – вновь и вновь повторять: важна сама работа сновидения, а не его скрытое содержание, важен процесс, а не оппозиция скрытое/явное. В 1914 году Фрейд делает примечание к «Толкованию сновидений», которое заканчивается словами сожаления: «После того как в течение столь долгого времени сновидение отождествляли с его явным содержанием, теперь нужно остерегаться также того, чтобы смешивать сновидение с его скрытыми мыслями» [46:580]. На этом Фрейд не останавливается, и в 1925 году делает еще одно дополнение:

> «Раньше мне казалось необычайно трудным приучить читателей различать явное содержание сновидения и его скрытые мысли. Снова и снова приводились доводы и возражения, основанные на не подвергшемся толкованию сновидении, которое сохранилось в памяти, и игнорировалось требование его толкования. Но теперь, когда, по крайней мере, аналитики свыклись с тем, что вместо явного содержания следует опираться на смысл, найденный благодаря толкованию, многие из них оказываются повинными в другой ошибке, которой они придерживаются столь же упорно. Они пытаются найти сущность сна в его латентном содержании и при этом упускают из вида различие между скрытыми

мыслями сновидения и его работой. В своей основе сновидение – это не что иное, как особая *форма* нашего мышления, которая становится возможной благодаря особым условиям в состоянии сна. Именно *работа сновидения* и создает эту форму, и только она создает главное в сновидении, объясняет его особенности» [46:508].

Дело не в недоверии к содержанию. Дело не в поиске скрытого смысла. Желание заключено не под явным содержанием, не в скрытом содержании, а *в* самой работе. Именно *в* самом процессе оно и выписывается.

Дело – в работе, дело в форме, в «преобразовании в содержание» сновидения. Причем, по детальному различению Жан-Люка Нанси, преобразование это – не столько метаморфоза, сколько эндоморфоза: «сон – не метаморфоза. Куда в большей степени его можно понимать как эндоморфозу, как внутреннее формирование, или же как формирование внутреннего там, где внутреннее, печать, кажется целиком и полностью спроецированным в интенции и в экстенции бодрствующего существования. Эндоморфоз, временный и всегда подвешенный на пределах самой формы, формирование аморфной и плохо идентифицируемой субстанции» [37:16-7] обретает наиболее общую и лучше всего очерчиваемую форму падения – такова обессиленная поза бога Морфея. Человек падает, валится с ног в сон, погружается в онейроглубины. Это падение в сон

и возвращает к метафизике присутствия, к реальности, из которой выпадают в сновидение.

Чтобы подчеркнуть метафоричность этих самых глубин, чтобы уйти от оппозиции скрывающего/сокрытого, явного/тайного, манифестного/латентного, Фрейд говорит об исследовании психической поверхности [*psychische Oberfläche*]. Так и получается, что обнаруженное желание чаще всего лежит на поверхности, и Лакан приводит цитату из «Фальшивомонетчиков» Андре Жида: «*нет ничего более глубокого, чем лежащее на поверхности*, потому что глубокого нет вообще» [17:219]. Никаких глубин!

Отождествление бессознательного желания с латентным содержанием Жижек называет фундаментальной теоретической ошибкой: «как постоянно подчеркивает Фрейд, *в скрытой мысли сновидения нет ничего бессознательного*... топологически она принадлежит системе сознательного-предсознательного, и человек вполне отдает себе в ней отчет. Эта скрытая мысль может быть прекрасно выражена обыденным языком, она доступна. Вытеснение этой мысли вызвано тем, что она вызывает своего рода „короткое замыкание" между самой собой и другим желанием, которое уже подавлено, локализовано в бессознательном, желанием, которое не имеет совершенно ничего общего со „скрытой мыслью сновидения"» [10:20-1].

Не все так просто с бессознательным желанием. Во-первых, оно, «это бессознательное сексуальное желание, не может быть сведено к „нормальному ходу мыслей“, поскольку с самого начала, конститутивно, первовытеснено (*Urverdrängung*, как писал Фрейд), поскольку оно не имеет „истока“ в „нормальном“ языке повседневной коммуникации» [10:21]. Во-вторых, что вообще значит «бессознательное желание»? Оно – чьё? «Когда мы говорим о бессознательном желании – что мы этим хотим сказать? Для кого это желание существует?» [17:217].

Итак, парадокс сновидения заключается в том, что бессознательное желание, которое якобы является чем-то глубоко скрытым, формулируется посредством работы по сокрытию некой скрытой мысли, работы по маскировке содержания превращением его в ребус. Именно в форму, всегда уже деформированную форму вписано желание. Желание принадлежит исключительно форме сновидения.

Вопрос о форме – это вопрос эстетический. Можно сказать, что одним из желаний Лакана, заново формулирующего смещение и сгущение как метонимию и метафору, было желание подчеркнуть эстетический характер работы сновидений, желание навсегда уйти от ложного следа, оставленного Фрейдом. Говоря о фрейдовской эстетике, Лакан дает в VII семинаре удивительный и убедительный ответ: «анализ всей экономики означающих

в целом» [22:208]. Иначе говоря, *эстетика – стр тура означающих в целом, точнее экономика ли до этой структуры, иначе говоря, та форма, кот рую принимает экономика этой структуры.*

Впрочем, можно говорить не только о пове ности, но и о драматургической постановке. Он роискажение производит сцену и производи сценой.

Дискурс других пишется на другой сцене

Искажение [*Entstellung*] предполагает по тановку [*Darstellung*]. Сновидение сценич [*Darstellbar*]. Сновидение – сценическое действи поставленное на незримой сцене, на другой сце Другая сцена и становится одним из представлен Фрейда о бессознательном. Он говорит: сновид ние – другая сцена. Лакан добавляет: сновидение дискурс Другого. Не просто сцена, но сценарий. столько сцена, сколько события на ней[10].

У постановки – своя драматургия. Маши письма трансформирует мышление в словах в мы ление-восприятие-в-образах. Письмо становит более конкретным, иероглифическим. Представл ние – более реальным, галлюцинаторным. Фре осмысляет эту другую сцену как другую, посколь события на ней происходят в пробеле между во приятием и сознанием. Инстанция, которая и зап

сывается вместе как В.-Сзн., раскрывается, и там, где была соединительная черта, там обнаруживается разрыв устроения *другой* сцены, там конституируется дискурс Другого. Именно отделение восприятия от сознания, как пишет Лакан, приводит Фрейда к идее регрессии, объясняющей «изобразительный, то есть воображаемый характер того, что происходит в сновидении» [17:210]. Лакан помогает Фрейду, вводя регистр *воображаемого*: «Очевидно, что термин „воображаемый", будь у Фрейда тогда возможность им оперировать, помог бы немало противоречий снять. Но этот изобразительный характер рассматривается здесь как причастный восприятию, а визуальное выступает у Фрейда как эквивалент перцептивного» [17:210]. Воображаемое Лакана как регистр психического восполняет разрыв сознания-восприятия онейродискурсом других. И такая позиция не лишний раз подчеркивает диалектическую неразрывность воображаемого и символического. Детали сновидения – не просто образы, но именно элементы восприятия, собирающие онейроребус, то есть – лингвистическую конструкцию. Следуя фрейдовской логике, Лакан называет все детали ребуса – буквы, фрагменты слов, синтаксические знаки, цифры, образы одним словом – означающие. Они-то и пишут сценарий.

В онейросценарии можно отметить одну принципиальную особенность. Самуэль Вебер называет фрейдовскую идею языка сновидений

«структуралистской *avant la lettre*», поскольку значение обретается исходя не из репрезентативного, тематического, „изобразительного“ содержания, а из отношений между знаками» [5:63]. Дальнейшее изучение Фрейдом книг по древнеегипетской филологии лишь еще больше убедит его в той мысли, что деталь сновидения сама по себе ровным счетом ничего не значит. Значение возникает исключительно в отношениях.

Более того, будто следуя де Соссюру, Фрейд отмечает как синхроническое, так и диахроническое измерения языка сновидений, или точнее онейро-письма. Вебер указывает на диахронию в двух отношениях: «во-первых, сновидение воспроизводит предсуществующие конфликты желаний, транскрибируя их в очевидно статическую синхронию своего *Bilderschrift*; а во-вторых, этот сценарий появляется лишь пост фактум, как бы в нарративном дискурсе сновидца, вспоминающего и пересказывающего сон» [5:64]. По этой причине читать сновидение следует «не в терминах позиции, пропозиции [*Setzung*], а в терминах конфликтного разложения и перекомпозиции [*Auseinandersetzung*]» [5:66][11], в терминах, можно сказать, деконструкции. Другая сцена [*andere Szene*] – не столько сцена репрезентации, сколько депрезентации. Так, с другой стороны, со стороны разногласия [*Auseinandersetzung*] обнаруживается конституирующее искажение онейрописьменности.

Искажение: забвение и цензура

Лакан видит, что для Фрейда текст сновидения – текст Священного писания, ведь его искажение,

> «порча, даже забвение текста сновидения значат столь мало, что пока остается у нас хоть один-единственный элемент, пусть сомнительный, лишь самый кончик сновидения, тень тени его, мы можем по-прежнему придавать ему смысл. Ибо перед нами послание» [17:180].

Послание то и дело прерывается. Дискурс его прерывистый, и в его разрывах – Закон: «одна из самых поразительных форм прерывного дискурса – это закон, в той мере, в какой он остается непонятным» [17:184]. Со стороны закона Лакан и подходит к одному из казалось бы простых понятий фрейдовской онейрокритики – к цензуре. Именно бессознательное действие цензуры связывает ее с законом: «То, что служит цензурой, всегда связано с тем, что соотносится – внутри дискурса – с законом, поскольку этот последний остается непонят» [17:184]. Онейродискурс пишется согласно закону, действующему только тогда, когда он остается непрозрачным, непонятным, нечитаемым. Исходя из такой диспозиции, понятно, почему Фрейд будет настаивать на том, что инстанция *сверх-я* всегда уже бессознательна, что, более того, инстанция эта ближе *оно*, чем *я*. Так учреждается мысль. Бессознательное мыслит – вот одна из радикальных мыслей

«Толкования сновидений». Мысль – отнюдь не предикат сознания, скорее уж сознание – совместный с другим эффект бессознательной мысли. Закон, структурирующий синтаксис мысли, – цензор, для действия которого решительно нет необходимости в субъекте сознания:

> «Цензура имеет место не на уровне субъекта и не уровне индивида, а на уровне дискурса – дискурса, образующего замкнутую в себе и законченную вселенную и в то же время содержащего в любой части своей какую-то неустранимую несогласованность» [17:188].

Именно Закон – это еще и Закон Забвения. «Послание не забывается просто так» [17:180], оно забывается из-за цензуры, а «цензура – это намерение» [17:180]. Фрейд совершает переворот в стратегии толкования, в забвении и искажении он как раз и видит смысл. Если уж говорить о намерении, интенции, то о действии бессознательного. Именно в забвении и искажении – функция сообщения, в них – материал для прочтения смысла. Сообщение послания – «прерванная и настоятельно заявляющая о себе речь» [17:181]. Это настояние – желание, и «главное желание сновидения состоит в том, чтобы высказать сообщение» [17:182]. Именно здесь – в искажении сообщения – сплавляются мысль и желание.

Искажение [*Entstellung*] еще можно перевести как обезображивание, то есть преобразование

до неузнаваемости. Преобразование образа. Искажение можно перевести и как коверканье слов. Фрейд придает еще одно значение: дис-локация, перемещение.

Сновидение выписывается метафорой и метонимией

Искажение, главным образом, предполагает работу двух механизмов – сгущения и смещения. Означающие – слова, образы, цифры – включены в их работу. Сама возможность этого включения объясняется тем, что они «открыты и сверхдетерминированы. Короче говоря, словам не нужно функционировать, чтобы установить „устойчивые" соответствия, но напротив, их распустить» [5:82].

Ирма в «Толковании сновидений» – яркий образец сгущения. Вот что пишет Фрейд:

> «Главный персонаж в содержании сновидения – пациентка Ирма, являющаяся в нем с чертами, присущими ей в жизни, и, следовательно, изображающая вначале саму себя. Но поза, в которой я исследую ее возле окна, заимствована мною из воспоминания о другом человеке, о той даме, на которую я бы хотел поменять мою пациентку, как это показывают мысли сновидения. Поскольку у Ирмы обнаруживаются дифтеритные налеты, которые напоминают мне про беспокойство о моей старшей дочери, она служит для изображения этого моего ребенка, за

которым скрывается связанная с ним благодаря созвучию имени персона пациентки, умершей от интоксикации. В дальнейшем ходе сновидения значение личности Ирмы меняется (причем сам ее образ в сновидении не изменился); она становится одним из детей, которых мы исследуем в амбулатории детской больницы, причем мои друзья указывают на различие их духовных задатков. Переход, очевидно, произошел через представление о моей дочери. Из-за сопротивления при открывании рта та же самая Ирма служит намеком на другую, когда-то мною обследованную, даму, а затем в этой же взаимосвязи – на мою собственную жену. Кроме того, в болезненных изменениях, обнаруженных мною в горле, я соединил намеки на целый ряд других лиц.

Все эти люди, на которых я наталкиваюсь, прослеживая мысли об «Ирме», не появляются в сновидении во плоти и крови; они скрываются за персонажем сновидения по имени «Ирма», который, следовательно, становится собирательным образом, наделяемым, правда, полными противоречий чертами. Ирма становится представительницей этих других людей, которыми пожертвовала работа сгущения, поскольку я наделяю ее всем тем, что шаг за шагом напоминает мне об этих людях» [46:302-3].

Итак, Ирма только на первый взгляд Ирма. Она – не только она, но – «собирательный образ», в котором проглядывает дама, на которую Фрейд охотно бы Ирму променял. И еще она – Матильда, старшая дочь Фрейда. А также – пациентка, умершая от интоксикации. Она же – девочка из

больницы. Кроме того, она – еще одна, другая Ирма. Она же – гувернантка с вставными зубами. Кроме того, она – жена Марта. В конце концов, конца не видно этому ряду других лиц.

Из-за сопротивления при открывании рта та же самая Ирма служит намеком на другую, когда-то обследованную Фрейдом даму, а затем в этой же взаимосвязи – появляется собственная жена. Дамы противятся. Рот не хочет открываться. А ведь в случае с Мартой это могло бы решить очень серьезную проблему! Лакан обращает внимание на «самые невероятные черты, оставленные нам пером Фрейда» [26:378], в частности, на глагол, используемый Фрейдом в этом случае, *sich sträuben,* – противиться, ерепениться, возмущаться[12].

Марта, конечно, занимает в этом ряду особое место, и, кстати, «оригинальное» сновидение, место которого в «Толковании сновидений» под нажимом Флисса заняла «Ирма», было посвящено Марте[13]. В примечании к тексту «Ирмы» Фрейд добавляет: «Речь идет, разумеется, о моей собственной жене; боли в животе напоминают мне об одном из случаев, когда я был свидетелем ее страха. Я должен признаться, что отношусь к Ирме и своей жене в этом сновидении не очень любезно, но в свое оправдание должен заметить, что сравниваю обеих с идеалом хорошей, послушной пациентки» [46:129]. О Марте речь идет в связи с ожиданием ее дня рождения. Ей должно исполниться

тридцать четыре года. Ее появление в сновидении, можно сказать, неминуемо: «Фрау Профессор появляется в любом случае как элемент постоянного плана, который нам предъявляет Фрейд» [23:17]. Ирма, она же Эмма, будучи близкой подругой Марты, конечно, приглашена на день рождения. Излишне говорить, что женщины не могли не появиться в сновидении. Технологически сгущение напоминает производство экспериментальной фотографии: «Сон производит такую же работу, как *Франсис Гальтон* при производстве своих фамильных фотографий: сон как бы накладывает друг на друга различные составные части, поэтому в общей картине на первый план отчетливо выступают общие элементы, а противоположные подробности почти взаимоуничтожаются» [47:31][14].

Работа сгущения действует вместе со смещением. В частности, акцент сдвигается с различий на подобия. О действии механизма смещения в сновидении Фрейд пишет в «Наброске» 1895 года. Этот механизм можно понимать как смещение центра, как децентрацию: «содержание сновидения сосредоточено вокруг других элементов, нежели мысли сновидения» [46:314]. Акценты латентных мыслей смещены, что и открывает возможности артикуляции самой бессознательной мысли. Таков отвлекающий маневр:

> «То, что в мыслях сновидения, по-видимому, является существенным содержанием, совсем не

обязательно будет представлено в сновидении. Сновидение, так сказать, центрировано иначе, его содержание сосредоточено вокруг других элементов, нежели мысли сновидения» [46:314].

Сновидение «Об инъекции Ирме» парадоксально. В противоположность примерам, в которых ярко проявляется смещение, это сновидение «показывает, что при образовании сновидения отдельные элементы могут также сохранять за собой то место, которое они занимают в мыслях сновидения» [45:314-5]. При образовании содержания на первый план работы вышло сгущение, или, иначе говоря, смыслообразующая метафоризация. Таков и эффект предписанной программности «Ирмы».

В 1957 году Лакан в статье «Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда» переосмысляет соображения Фрейда о сгущении и смещении сквозь призму размышлений Якобсона об афазии. Якобсон соотносит два речевых расстройства с двумя осями упорядочивания высказываний – осью комбинации и осью селекции. Первая ось – метафора. Вторая – метонимия. Метафорическая ось замещения и метонимическая ось смещения вместе организуют процесс означивания, их «связь конституирует закон языка как закон желания» [31:150]. Онейродискурс, с одной стороны, метонимически поддерживает сопротивление означиванию, с другой, метафорически его преодолевает.

Толкование сновидения начинается в сновидении

В содержание сновидения зачастую включено его толкование. Этот процесс Фрейд называет *бессознательным толкованием*. Своим началом толкование уходит в пределы самого сновидения. Оно вписано в форму самого искажения. Если толкование относить к сознательным процедурам, то бессознательное толкование было бы оксюмороном, но скорее приходится говорить о бессознательном толковании как одной из составляющих самого процесса онейродискурса. Так что рефлексия происходит без рефлексирующего субъекта, начало толкования безначально, а граница сновидения и реальности пролегает не по линии толка, не на путях смыслообразования.

Бессознательное толкование – еще один, наряду со смещением и сгущением, механизм работы сновидения. Фрейд называет его вторичной переработкой [*sekundäre Bearbeitung*]. В каком смысле переработка *вторичная*? Она вторичная в отношении первичных процессов – сгущения и смещения. Переработка организует работу сновидения и заключается в придании содержанию связности. Несмотря на то, что это – *бессознательное* толкование, оно все же – *толкование*, то есть процесс смыслообразования, процедура, приближающаяся к сознанию.

Вторичная переработка сбивает сновидца с пути, подтверждая логические и рациональные предвкушения его бодрствующего сознания. В результате получается, как говорит Фрейд, что чем более ясным и связным представляется сновидение, тем более оно обманчиво. Не до абсурда неразборчивая, а ясная и понятная форма вводит в заблуждение. Иначе говоря, ясность – это, вполне вероятно, предельное искажение.

Вторичная переработка подобна такой интеллектуальной деятельности как бредообразование. Она – пример систематизации. Откуда и фрейдовская идея системы, к которой он одновременно и обращается, называя сознание-восприятие, предсознательное и бессознательное *системами*, и опасается, понимая паранойяльность этого пути. Бессознательное толкование указывает на непереносимость для работы психического дыр и пустот. Работа эта вполне философская – штопать мир и ставить на него заплатки. Этой философии Фрейд и стремится избежать, потому и можно сказать, что он «обнаруживает не столько любовь к мудрости, сколько *страх* перед ней – *фобософию*» [5:44]. Опасения здесь более чем оправданы. Лакан их не просто подтверждает, но обосновывает: знание в основании своем нарциссично, паранойяльно, зеркально. Оно не столько знание [*connaissance*], сколько совместное с другим, двойником заблуждение, непризнавание [*méconnaissance*]. Вот почему

Фрейд против проникновения в психоанализ таких идей, как *система, полнота, мировоззрение*! Вот почему полнота, целостность, завершенность сразу же указывают Лакану на нарциссическую конструкцию. Вот почему он говорит о нехватках, зияниях, пустотах. Вот почему вводит категорию не-всё [*pas-toute*].

Связывающие, скрепляющие, восполняющие процедуры вторичной переработки скрадывают расщелины и отверстия, перебрасывают мосты между кажущимися бессвязными мыслями. Вторичная переработка не столько одна из форм работы сновидения, сколько признак систематического мышления, систематичности мышления вообще. В этой операции – обещание пробуждения *собственного я*, организатора системы и вдохновителя иллюзии связности всего со всем. Здесь зона паранойяльного контроля.

Собственное я, такое рассеянное

Собственное я отступает на второй план. *Воображаемое я* рассеивается. Говорит бессознательное.

> «С момента, когда Фрейд вступает в разговор, визуальное поле сужается. Он берет Ирму за руку и начинает делать ей упреки, обвинять ее. *Это ты виновата, если бы ты меня слушала, все бы шло хорошо*. Ирма, со своей стороны, отвечает ему: *Ты представления не имеешь, как мне больно*

здесь, и тут, и еще вот здесь – в горле, в животе, в желудке...» [17:220].

Что предшествует этому разговору? Постановка сцены. И вот занавес поднимается: «Большой зал – много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма». И тотчас, по свидетельству Лакана, «визуальное поле сужается». Все разговоры, споры, упреки происходят на фоне сопротивления, причем «сопротивления не только тому, что Фрейд предлагает, но и осмотру» [17:220]. Это можно понимать и как метафору перехода Фрейда от медицинского дискурса (осмотр) к дискурсу психоаналитическому (выслушивание), и как сопротивление регистру *воображаемого*. Вместо сопротивления *собственного я* действует сопротивление *собственному я*:

> «Во сне *я* ведет себя иначе, нежели в состоянии бодрствования... во сне происходит отступление и вбирание либидо внутрь *я*. И по мере того, как это происходит, сопротивления его – я говорю о сопротивлении *собственного я*, о сопротивлении, связанном с *я*, которое составляет лишь малую часть сопротивления вообще, – можно миновать, через них можно проникнуть или просочиться, а сами условия, в которых возникает такой представляющийся нам непрерывным феномен, как последовательность дискурса, оказываются измененными. И о чем же еще идет речь в этих двух главах, как не о том, что дискурс сновидения согласован с дискурсом бодрствования? Фрейд постоянно поверяет их друг другом» [17:188-9].

Дискурс субъекта бессознательного непрерывен. Здесь вновь, еще с одной стороны, подходим мы к тому, что реальность сновидения и бодрственная реальность неразрывно связаны, что именно в логике бессознательного между ними нет ни разрыва, ни тем более противопоставления.

Если в первом акте действуют Фрейд и Ирма и можно говорить о «присутствии» его «я», то после столкновения с предельным взглядом глотки происходит невероятная трансформация: «Фрейда больше нет, нет больше никого, кто мог бы сказать *я*. Это и есть тот момент, который я назвал входом шута, потому что субъекты, к которым апеллирует Фрейд, играют именно эту роль» [17:235]. Приближение реального подводит к тому, что, как говорит Лакан, «становимся мы свидетелями этого воображаемого разложения, являющего собой не что иное, как обнаружение обычных составляющих восприятия» [17:238]. Воспринимаемая, воображаемая картина, реальность самого сновидения распадается, а это, можно сказать, чистое, незамутненное галлюцинаторное восприятие – «целостное соотношение с представляющейся человеку картиной, в одном из уголков которой – а то и в нескольких сразу – он обязательно обнаруживает самого себя» [17:238]. Автограф всегда уже на картине.

Обнаружение себя – и «есть» «центральное» звено, связующее две реальности, центрирующее иллюзии. Лакан, говоря о собственном я [*moi*],

порой саркастически переходит с психоаналитического языка на язык эго-психологии, подчеркивая, насколько прочен этот бастион человеческой мысли, насколько цепкой иллюзией является собственность я:

> «В самом сновидении Фрейд демонстрирует себя таким, каков он есть, и *эго* его находится вполне на уровне *эго* бодрствующего. В качестве психотерапевта он открыто обсуждает с Ирмой ее симптомы <...> Если бы Фрейд всякий раз, говоря с Ирмой наяву, анализировал ее поведение, ответы, эмоции, эффекты переноса, он тоже пришел бы к выводу, что за Ирмой стоят как его собственная жена, бывшая Ирме близкой подругой, так и другая молодая соблазнительная женщина в его окружении, в качестве пациентки, по сравнению с Ирмой, куда более интересная» [17:221-222].

Первый акт сновидения завершается не исчезновением, а именно рассеиванием *собственного я*. Его место занимают другие, гротескные, шутовские фигуры призраков *собственного я*. Первый акт, разрешающийся распадом воображаемой ткани на грани *реального* глотки Ирмы и призывом на помощь друга, Брейера, приводит, по словам Лакана, к тому, что Фрейд превращается в «толпу». И это не просто множество каких-то людей. Это – спектр Фрейда, «толпа фрейдовская», или иначе – «*вмешательство субъектов* [*l'immixtion des sujets*]». [17:229]. Что это значит? Во-первых, то, что на

сцене появляются другие, друзья, и вмешиваются в отношения Фрейда с Ирмой. Во-вторых, «бессознательный феномен, разворачивающийся в символической плоскости и потому по отношению к эго обязательно смещенный, всегда протекает между двумя субъектами...» [17:229].

Речь в сновидении «Об инъекции Ирме» буквально, подчеркивает Лакан, идет «о спектральном разложении функции *я* [*une décomposition spectrale de la function du moi*]. Этих *я* появляется на наших глазах целый ряд [*la série des* moi]. Дело в том, что *я* [*moi*] как раз и представляет собой ряд идентификаций, каждая из которых послужила для субъекта в соответствующий исторический момент его жизни ориентиром» [17:236]. И спустя момент Лакан добавляет, что «это спектральное разложение является разложением воображаемым» [17:237].

Второй акт сновидения «обнаруживает как раз те фундаментальные составляющие воспринимаемого мира, из которых складываются нарциссические отношения. Объект всегда организован в той или иной степени как образ тела субъекта. В картине восприятия всегда скрывается отражение субъекта, его зеркальный образ – именно он и придает этой картине ее особое качество, ее инерцию» [17:239].

Вмешательство субъектов создает многоличностное *собственное я*, или многоликого, многоголового субъекта-поликефала [*le sujet polycéphale*],

как называет его Лакан. Причем, парадокс заключается в том, что много голов буквально ведет к утрате головы, к безголовости:

> «Субъект, преображенный в поликефала, приобретает черты акефала, субъекта обезглавленного. Если существует образ, который мог бы воплотить в себе фрейдовское представление о бессознательном, то это, разумеется, и есть образ субъекта-акефала, субъекта обезглавленного – субъекта, у которого нет больше эго, субъекта за пределами эго, субъекта, смещенного по отношению к эго, не имеющего в нем части, но при всем том субъекта говорящего, ибо именно он внушает действующим во сне персонажам те лишенные смысла речи, в бессмысленном характере которых и кроется как раз источник их смысла» [17:240].

Безликое, безголовое *собственное я* и оборачивается субъектом бессознательного. *Собственное я* как призрак целостности, связности [*zusammenhängenden Ich*[15]] распускается в сновидении, мираж единства [*mirage d'une unité*] рассеивается. И обнаруживается кружащая вокруг оставшейся пустоты метель означающих, представляющих субъекта другим означающим. Именно они и придают видимость, или, как говорит Лакан, устойчивость воображаемой картине. Завершение второго акта обнажает два контура одного предела – афанизиса субъекта и возврат научного реального: «В сновидении этом налицо признание

того, что за неким пределом субъект неизбежно выступает как акефальный, обезглавленный. На этот предел и указывают буквы AZ в формуле триметиламина. Именно здесь и находится в этот момент *я* [*je*] субъекта» [17:243]. Когда «гидра потеряла все свои головы, голос, который теперь ничей, выводит формулу триметиламина как окончательное, всему подводящее итог слово. И все, что слово это хочет сказать, сводится к тому, что оно не что иное, как слово» [17:243].

Бессознательное субъекта – «потустороннее по отношению к любому субъекту» [17:227]. Сновидение «Об инъекции Ирме», как настойчиво повторяет Лакан вслед за Фрейдом, служит ярким свидетельством несовпадения собственного *я*, так называемого *эго* сновидца и бессознательного. Бессознательное

> «тождественно не тому Фрейду, который продолжает в это время свой разговор с Ирмой, а тому, который прошел через тот момент ужаса, когда *собственное я* его идентифицировало себя со всем в наиболее хаотичной, неупорядоченной его форме. Он буквально исчез из виду, апеллируя, как сам он пишет, к совету знающих. Он словно устранился, упразднился, скрылся за их спинами» [17:227].

Анализ Лаканом сновидения «Об инъекции Ирме» завершается мыслью о том, что обнаружение за рассеянным миражом собственного *я* субъекта бессознательного становится основполагающим

для психоанализа: «Не для себя одного обнаруживает он это *Nemo*, эту альфу и омегу субъекта-акефала, представляющего собой его бессознательное» [17:244]. Фрейд сообщает нам

> «нечто такое, что одновременно и есть, и больше не есть он сам: – *Я тот, кто просит прощения за дерзость, с которой первым осмелился взяться за лечение больных, которых до меня не желали понять и не позволяли себе лечить. Я тот, кому нужно за это прощение. Я тот, кто не хочет нести за это вину, ибо вина неминуемо ложится на того, кто первым переступает пределы, прежде положенные человеческой деятельности. Я не хочу быть этим виноватым. В таком же положении, что и я, находятся все остальные. Я лишь представитель того широкого, неопределенного движения, что именуется поисками истины – движения, где я исчезаю бесследно. Теперь я ничто. Мои амбиции были больше меня. Шприц, конечно же, был грязный. Именно поскольку я этого слишком желал, поскольку в этом деле участвовал, поскольку хотел выступить в роли творца и создателя, я как раз творцом не являюсь. Творец – это больший меня. Это мое бессознательное, та речь, которая во мне, по ту сторону моего я, сказывается.*
>
> Вот смысл этого сновидения» [17:244].

Сексуальность в глотке *реального*

Смысл сновидения – в субъекте желания, в желании Другого, в сексуальности этого желания. Какое же оно, это возвращающееся во сне вытесненное бессознательное желание? Понятно, что сновидение «Об инъекции Ирме» являет желание Фрейда утвердиться в бессознательном и его функция – в симптомообразовании истерии. Понятно, что его желание – увязать сексуальную этиологию неврозов, травму соблазнения с *бессознательным желанием*. Понимание, к которому он приходит, не просто подвигает потоки Ахеронта, но основания его собственной жизни. Переживание

> «этого фундаментального открытия означало для Фрейда мучительное переосмысление самых основ мироздания... Он живет в томительной атмосфере, чувствуя опасность, которую несет в себе сделанное им открытие. Весь смысл сновидения об инъекции Ирме с глубиной этого переживания непосредственно связан» [17:232].

Иначе говоря, Фрейд видит это сновидение тогда, когда он зачинает по-настоящему свое собственное дитя – психоанализ. Фрейд не только отец пяти детей в ожидании шестого, но и партеногенетически божественный отец своего собственного творения, имя которому *психоанализ*. Еще год – и дитя будет наречено. Будто Ирма готова изречь

его, родить от инъекции из чрева *реального* рта. Она его открывает:

> «В этом образе смешивается и ассоциируется друг с другом все – начиная от рта и кончая половым органом женщины, в том числе и нос (как раз после этого сна и незадолго до него Флисс или кто-то другой прооперировал у Фрейда носовые раковины). Здесь открывается перед нами самое ужасное – плоть, которая всегда скрыта от взоров, основание вещей, изнанка личины, лица, выделения во всей их красе, плоть, откуда исходит все, последняя основа всякой тайны, плоть страдающая, бесформенная, сама форма которой вызывает безотчетный страх. Видение страха, познание страха, последнее разоблачение: *ты еси вот это – то, что от тебя дальше всего, что всего бесформеннее*» [17:222].

Фрейд не просыпается. Он настойчив в своем желании познания. Катабасис не завершен, и никогда завершен не будет. Фрейд продолжает пробуждаться в сновидении. Вплоть до явления галлюцинаторной формулы триметиламина.

Оракул *реального*: триметиламин

На триметиламине необходимо задержаться всерьез. И надолго. Однако для начала еще раз зададимся неотвязным и даже навязчивым вопросом о бессознательном желании Фрейда в сновидении «Об инъекции Ирме». Ответ на этот вопрос как

будто намеренно отсутствует в «Толковании сновидений». Фрейд как бы говорит: не твое это, дорогой читатель, дело – мое бессознательное сексуальное желание. Перенос переносом, а пути наши расходятся. Хочешь думать на эту тему – иди и думай! Все это было бы понятно, скажем, с этической точки зрения. Однако есть одно «но», вызывающее, по меньшей мере, недоумение: сновидение «Об инъекции Ирме» – образцовое. Именно оно должно служить примером теории, согласно которой в каждом сновидении заключено бессознательное сексуальное желание! И что же это за пример отсутствующего примера?![16]

Еще раз напомним, что те желания, о которых говорит Фрейд в связи с «Ирмой», в общем-то, лежат на поверхности, ему хорошо известны и в топическом отношении принадлежат инстанции предсознательного, то есть вполне осознаваемы, если не сказать – вообще сознательны: «желание не отличается от продолжения во сне мыслей, имевшихся в бодрствовании… мысль представляет собой желательное наклонение: „Эх, если бы Отто был виноват в болезни Ирмы!“» [46:536]. Или еще одно желательное наклонение – избавиться от Ирмы, не желающей принимать решения Фрейда. Какого, кстати, решения?

Решение это, между тем, касается сексуальности. Во-первых, Ирма – молодая вдова, и ее истерическая симптоматика, по меньшей мере,

усилена отсутствием регулярной половой жизни. Как говорил Фрейду его хороший знакомый, гинеколог Хробак, в таких случаях единственный рецепт – *penis normalis dosim repetatur*. Во-вторых, Ирма не хочет принимать его теорию. И, как он сам, далеко не в последнюю очередь благодаря Ирме, поймет через два года, правильно делает. Что это за теория? – Теория раннего соблазнения. Напомним, Фрейд видит сновидение в 1895 году. Теория возникла в 1892 году. В 1897 году Фрейд от нее отказывается. Ирма противится. Она не хочет принимать эту теорию. Фрейд же пока еще не сомневается; он «уверен, что предложил Ирме хорошее решение – *Lösung*. Слово это в немецком двусмысленно и означать может как вводимый больному шприцем раствор, так и разрешение конфликта. Уже одно это придает сновидению об инъекции Ирме символический смысл» [17:215]. Итак, смысл – в связи фрейдовского решения, разрешения конфликта, сексуальной травмы в памяти, инъекции, триметиламина. Инъекция решения заключена в формуле. Расстраивающаяся формула триметиламина начинает в сновидении обратный отсчет: внимание Фрейда фокусируется на трех женщинах, трех докторах, трех дочерях.

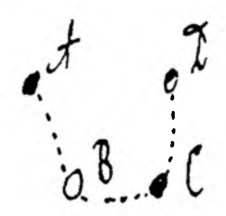
В 1908 году Карл Абрахам задает Зигмунду Фрейду прямой вопрос, насколько намеренно тот остановил толкование на формуле. Абрахам высказывает следующее соображение: «По-моему,

триметиламин ведет к самой важной части, к сексуальным аллюзиям, которые становятся наиболее отчетливыми именно в этих строках. Главным образом, все указывает на подозрение, что у пациентки инфекция сифилиса» [3:124]. Фрейд в ответ пишет, что сифилис здесь совершенно ни при чем, зато откровенно говорит о своей скрытой «сексуальной мегаломании», в данном случае обращенной на трех женщин, одолживших свои имена трем его дочерям – Матильде, Софии и Анне[17]. Три женщины. Три дочери. Но о триметиламине – ни слова.

Откуда вообще взялся этот самый триметиламин? Фрейду о нем поведал не кто иной, как Флисс, пожалуй, главное и при этом тайное действующее лицо истории Ирмы. Летом 1894 года друзья встречались в Мюнхене, обменивались, как всегда, своими научными соображениями; тогда-то Флисс и поведал Фрейду о сексуальной химии триметиламина. Следы этой истории обнаруживаются и в «Наброске одной психологии», трактате, отправленном Фрейдом Флиссу осенью 1895 года. В разделе «Осознание сновидения» он пишет о том, что сознание, в том числе и осознание сновидения – процесс дискретный, представляющий собой как бы «отдельные станции», остановки на пути непрерывного потока бессознательных ассоциаций. Иначе говоря, в промежутках между осознанными представлениями располагаются представления бессознательные, которые можно обнаружить

в анализе. Фрейд приводит пример как раз с Ирмой и триметиламином:

«Допустим, что А – это ставшее сознательным представление сновидения, оно ведет к В; вместо В, однако, в сознании находится С, а именно потому, что С располагается на пути между В и некой одновременно представленной D-заряженностью. Таким образом, выявляется отклонение, имеющее причиной одновременную, иного рода, впрочем, тоже неосознаваемую заряженность. Так и оказывается, что С замещает В, в то время как по связности мыслей В лучше соответствовало бы исполнению желания.

К примеру – R. сделал А. инъекцию *пропила*, потом я очень живо вижу перед собой *триметиламин*, галлюцинируемый в виде формулы. Объяснение: одновременно представленная мысль [D] – это сексуальная природа заболевания А. Между этой мыслью и пропилом [А] имеется ассоциация в химии сексуальности [В], которую я обсуждал с Флиссом, причем он указал мне на триметиламин. Это и становится осознанным [С] под воздействием требований с двух сторон.

Загадочным представляется то, что осознанным не становится ни промежуточное звено (химия сексуальности) [B], ни отклоненное представление (сексуальная природа болезни) [D], и этому нужно привести здесь объяснение. Можно предположить, что заряженность B или D была бы сама по себе недостаточно интенсивной, чтобы вернуться обратно к галлюцинации, поэтому заряженное с двух сторон C обеспечило это осуществление. Однако в избранном примере D (сексуальная природа [болезни]) было, конечно, настолько же интенсивным, насколько и A (инъекция пропила), а отпрыск этих двоих, химическая формула (C), отличалась повышенной живучестью. Загадка бессознательных представителей актуальна и в бодрствующем мышлении, где подобные производные возникают ежедневно». [44:436-7]

Формула обладает повышенной живучестью, подвижностью и неустранимостью. Галлюцинация научного *реального* возвращает сексуальность в совершенно асептическом виде. Химия сексуальности, в которой не обнаружить никакой сексуальности. Не подкопаться. *Реальное* возвращается к Фрейду как пустая форма, явленная оракулом:

«Будучи своего рода оракулом, формула сама по себе не сообщает ответа на что бы то ни было. И лишь сама форма, в которой она преподносится, сам загадочный, герметичный характер ее дают на вопрос о смысле сновидения настоящий ответ. Сформулировать же его можно по образцу известной исламской формулы: Нет Бога, кроме Бога. Нет

другого слова, другого решения вашей проблемы, кроме самого слова.

Присмотримся же к структуре этого слова, предстающего здесь в форме в высшей степени символической, ибо составлена она из священных знаков» [17:227].

Оракул никогда не отвечает прямо. Оракул никогда не дает ответ на вопрос «что есть...». Оракул переносит понимание на сторону субъекта, и сторона эта отнюдь не там, где ее можно предположить. Остается назвать субъекта *Nemo*. Этот отнюдь не немой не мой капитан и «есть» тот «субъект вне субъекта, который демонстрирует нам структуру сна» [17:228]. В связи с формулой триметиламина Лакан говорит не только о сексуальной подоплеке «Ирмы», но вновь и вновь разводит в стороны то, что поддается разведению с немыслимым трудом – представление о себе и бессознательного субъекта во всей его предельно интимной экстимности:

«Итак, урок, который это сновидение нам преподносит, заключается в следующем: в функционировании сновидения замешано нечто такое, что лежит по ту сторону *эго*; это нечто внутри субъекта, которое одновременно причастно субъекту и субъекту не принадлежит, и есть бессознательное» [17:228].

Желание за желанием

За желанием решения, разрешения, инъекции следует совсем другое желание. Вот на что указывает оракул триметиламина. Таков парадокс работы сновидения. Фрейд пытается избавиться от неприятных ему соображений, связанных с Ирмой. Это желание избавления формирует сновидение. И здесь возникает, пожалуй, одно из самых принципиальных положений онейрокритики Фрейда: «*Я полагаю, что сознательное желание только тогда становится возбудителем сновидения, когда ему удается пробудить созвучное бессознательное желание, благодаря которому оно усиливается*» [46:553].

Сознательное-предсознательное желание избавиться от травм, связанных с лечением Ирмы, порождает сновидение, пробуждая созвучные желания. Эти, в конечном счете, уходящие в доисторические времена желания, и оказываются сексуальными и бессознательными. В сновидении об «Инъекции Ирме» «Фрейд сам дает нам намеки на такое бессознательное желание: он видит себя „первобытным праотцем", который хочет овладеть всеми женщинами, появляющимися в этом сновидении» [12:191-2]. Возможно, Жижек и прав. Только этим дело, конечно, не исчерпывается. За желанием следует желание. Собственно, об этом Фрейд и пишет. Он сам говорит о недостаточности

для построения убедительной теории тех желаний, которые высказывает. В VII, заключительной главе «Толкования сновидений» Фрейд возвращается к вопросу о желании и пишет о своих сомнениях по поводу того, что у взрослого человека, как у ребенка, возбудителем сновидения может стать не исполненное днем желание. Гипотеза такова: «в результате постоянно усиливающегося контроля над жизнью наших влечений благодаря мыслительной деятельности мы все больше отказываемся от образования или поддерживания таких интенсивных желаний, какие знакомы ребенку, считая это ненужным» [46:553]. Однако принципиально важно то, что эти интенсивные бессознательные желания не исчезают, сколько бы мы от них ни отказывались. Никакого прошлого нет, и желания в своем призрачном не-существовании вечно живы. Эти

> «бессмертные желания [*unsterblichen Wünche*] нашего бессознательного, напоминающие мифических титанов, на которых с древних времен лежат бременем тяжелые горные массивы, когда-то взваленные на них торжествующими богами и до сих пор время от времени потрясаемые подергиваниями их членов, – эти находящиеся в вытеснении желания, я бы сказал, имеют инфантильное происхождение» [46:554].

Говоря о бессмертии этих титанов, Фрейд делает следующее примечание. Бессознательные душевные акты, пишет он,

«представляют собой раз и навсегда проложенные пути [*für allemal gebahnte Wege*], которые никогда не запустевают и всякий раз способствуют отводу возбуждения, как только оказываются вновь нагруженными бессознательным возбуждением [*sooft die unbewußte Erregung sie wiederbesetzt*]. Воспользуемся сравнением: нет другого способа их уничтожить, кроме способа для уничтожения в подземном мире Одиссея теней, пробуждающихся к новой жизни, напившись крови» [46:554].

Они не нагружены. Они вновь нагружены. Они действуют в режиме навязчивого повторения. Повторяется и формула триметиламина. Разве Фрейд о ней не знал? Не видел? Откуда и куда она ведет? Она ведет через пропил... через пропилен... через Пропилеи...[18] к загадке женского, к тайне рождения.

Загадка – в женском

Через триумфальные Пропилеи к Триметиламину. Текст сновидения завершается назидательно: «*Такие инъекции нельзя делать столь легкомысленно... По всей вероятности, и шприц не был чист*». И то, что он не был чист, намекает на «эякуляцию и кондом, содержащие два риска – беременности и венерического заболевания» [2:48]. Приближается день рождения Марты. Марта сама собирается вскоре родить Анну. Имя ей уже уготовано. Фрейд, впрочем, не собирается этими думами обременять читателя. Да, похоже, и сам бы он хотел быть не

легкомысленным, а ответственным, и эти вопросы как-то разрешить. Все же что-то нужно делать, чтобы прекратить этот поток новорожденных! Все надежды... на Флисса. Накануне сновидения «Об инъекции Ирме» Фрейд пишет ему: «В твоих руках бразды правления царством сексуальности, господствующим над человеком, – ты можешь сделать что угодно и предотвратить что угодно» [43:136]. Возможно, теория периодов Флисса откроет новые перспективы контрацепции.

Беременность Марты неизбежно пробуждает у Фрейда и размышления о собственной матери, о загадке собственного появления на свет, о любовных секретах и тайнах смерти. Мать несет в себе Жизнь, Любовь и Смерть. Фрейд вспоминает об этом в связи со сновидением «Три парки». Парки – матери. Судьба в их руках.

> «Когда мне было шесть лет, и я получал первые уроки у матери, я должен был поверить, что мы сделаны из земли и должны вернуться в землю. Мне это не понравилось, и я усомнился в этом учении. Тогда она потерла руки – точно так же, как когда делают клецки, разве что между ладонями не было теста, – и показала мне черные чешуйки эпидермы, которые при этом отделяются, словно частицу земли, из которой мы сделаны. Мое удивление этой демонстрацией *ad oculus* было безграничным, и я смирился с тем, что впоследствии услышал выраженным словами: „Природе ты обязан смертью“» [46:220].

Фрейд развивает соображения о трех женщинах в статье «Мотив выбора ларца». Три женщины – три Парки – три матери – «три неизбежных для любого мужчины типа отношения к женщине: женщина – роженица, друг и губительница. Или три формы, в которых предстает перед ним образ матери в разные периоды ее жизни – собственно мать, возлюбленная, которую мужчина выбирает по образу и подобию матери, и, наконец, мать-земля, берущая его в свое лоно» [49:217]. Третья Мать – Абсолютная Госпожа. Она – условие существования, смысла, символической матрицы: «Три женщины, три сестры, три ларца – смысл их Фрейд успел с тех *пор нам поведать:* в конечном счете, за ними стоит смерть, вот и все» [17:225].

Смерть в сновидении «Об инъекции Ирме», в его толковании очевидна, несмотря на то, что как таковая, как тотальная негация сама смерть в сновидении быть представлена не может. В сновидении царит бессмертие, оно – царство призраков, живых и мертвых. Как в первом акте, так и во втором. «Появление смерти различаем мы даже сквозь шум и гам второй части. История дифтеритной пленки прямо связана с угрозой, очень далекой, под которой оказалась двумя годами ранее жизнь одной из дочерей Фрейда» [17:225]. Смерть *всегда уже* за кадром. И самый радикальный пример заключен в образе, завершающем первый акт «Ирмы», в образе на пределе представимости. Итак, этот акт за-

канчивается появлением глубин горла, метонимически, скажем еще раз, – пучины

> «женского органа, этого первоначального объекта по преимуществу, этого источника всякой жизни, и прорву рта, поглощающего все живое, и образ смерти, где все находит себе конец, – образ, возникающий в связи с болезнью, едва не оказавшейся смертельной, его дочери и со смертью одной из его больных, случившейся вскоре после этой болезни и воспринятой Фрейдом как некая расплата за профессиональную недобросовестность (*одна Матильда вместо другой*, – пишет он)» [17:234-5].

Жизнь и Смерть возникают вместе. Вхождение в символическую матрицу – рождение в жизнесмерть. Рождение во всегда уже предуготовленную символическую купель – отчуждение в жизнесмерть. Триада Жизнь – Любовь – Смерть не только предписывается символизацией, но все дальше и дальше погружает задним числом в доисторическую эпоху.

Доисторическая эпоха – возникающий в ретроспективной фантазии истории инцестуозный рай. В конечном счете, желание, следуя за желанием, приводит к желанию инцестуозному, к желанию Другого, к женскому желанию, к желанию матери. Вопрос: *чего хочет женщина*? – можно прочитать и в отнюдь не банальном, а в невозможном смысле *реального*. В том смысле, которому не придать никакого ответа. В том смысле, в каком не отзывается

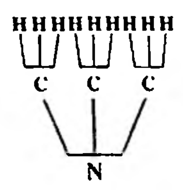
вопрос о желании матери. Это вопрос – *che vuoi?* Чего ты хочешь? Этот вопрос не приходит один. Он дробится. Он множится: Тебе меня не хватает? Почему ты меня оставляешь? Что еще от меня ты требуешь? Чего тебе не хватает?

Большой Другой молчит.

Единственный ответ, который способен с ужасом этого вопроса хоть что-то поделать, приходит из совсем другого места. В смещенном месте является ответ – *идентификация с означающим*, учреждающая Закон Имени Отца. Этот Закон и скрадывает вопрос о женском желании, утихомиривает кошмар желания Всемогущего Другого, могущество которого подорвано самим вопросом о желании. Явление Имени-Отца оказывается не столько травматическим событием, сколько решением, перемещением из тупика безмолвия в Другое Место. Кастрация – перевод, переход в это Другое Место, туда, где начинает вокруг бездонного безмолвия выписываться моя история.

Желание Матери переводится в Имя-Отца. Метафора переносит в Другое Место, в Место Закона. Закона Имени-Отца, имени Вещи мертвого отца. Смерть отца, Якоба Фрейда, осмысление его Закона становится еще одним переходом Зигмунда Фрейда к тексту книги «Толкование сновидений». Понятно, что и сновидение «Об инъекции Ирме» «должно нести на себе метку господствующего означающего, первого, ключевого означа-

ющего всего фрейдовского здания, Отца» [1:29]. Такова модальность Закона: сновидение *должно*. Означающее Закона является в галлюцинации сновидения, в галлюцинаторной формуле триметиламина, исходный пункт которой, N, отсылает к *Name*, Имени, неименуемому имени отца в иудаизме, а форма формулы оказывается метафорой метафор. Здесь ощутим священный трепет Фрейда:

Страх желания

Интересно, что Фрейду в связи со сновидением «Об инъекции Ирме» вообще не до страха. Хотя, по меньшей мере, дважды ему могло и даже должно было стать страшно. Такое впечатление, что страшнее Лакану, анализирующему сновидение Фрейда «Об инъекции Ирме», чем самому Фрейду. Вот страх перед лицом *реального*:

> «Перед нами, таким образом, явление образа, который внушает ужас, воплощая и соединяя в себе все

то, что по праву можно назвать откровением Реального в самом непроницаемом его существе, Реального, не допускающего ни малейшего опосредования, Реального окончательного – того объекта, который, собственно, больше и не объект уже, а нечто такое, перед лицом чего все слова замирают, а понятия бессильны: объект страха по преимуществу» [17:235].

Страх возникает в связи с распадом фантазматической ткани сновидения, пересечения экрана и возможного столкновения с пустотой реального. Страх возникает перед *объектом а*, несимволизируемым объектом страха по преимуществу. Взгляд этого объекта, объект-взгляд будто застрял в горле Ирмы. Рот ее открывается, и это уже небезопасно. И совсем по иной причине: рот может быть всепоглощающим ртом всепожирающей матери[19]. Откуда – несуществование, небытие. Между ртом и грудью нет пространства. Не продохнуть.

И все же: откуда страх в сновидении, если осуществление желания в нем должно приносить удовольствие!? Однако человек ничего об этих желаниях не хочет знать. Вот это самое удовлетворение и оборачивается страхом. Либидо превращается в страх, и сновидец «по отношению к желаниям своего сновидения... предстает как состоящий из двух личностей, связанных, однако, тесной общностью» [17:194]. Лакан по сути дела воспроизводит слова Фрейда из примечания к «Толкованию сновидений» 1919 года:

«Исполнение желания, конечно, должно было бы приносить удовольствие, но, спрашивается, кому? Разумеется, тому, кто имеет желание. Но о сновидце нам известно, что он поддерживает со своими желаниями совершенно особые отношения. Он отвергает их, подвергает цензуре, словом, не терпит их. Таким образом, их исполнение может принести ему не удовольствие, а только противоположное чувство. В таком случае опыт показывает, что это противоположное чувство, которое следует еще объяснить, проявляется в форме страха. Стало быть, в отношении к своим желаниям во сне сновидца можно сравнить лишь с существом, состоящим из двух людей, которые, однако, связаны между собой и имеют много общего» [46:581].

Более того, дело не ограничивается двумя. Именно в сновидении, где происходит «спектральное разложение *собственного я*», где обнаруживается толпа вмешивающихся в дело субъектов [*l'immixtion des sujets*], страх, можно сказать, неизбежен, в силу дезидентификации, распада *собственного я* вплоть до явления зазеркального раздробленного тела [*corps morcelé*].

Кроме того, желание за желанием, в конечном счете, ведет к желанию Другого. В конце концов, желание не может не обернуться страхом, если это желание мертвого отца. Или, если это инцестуозное желание небытия, чистое желание смерти. Или, если это безответный вопрос, какой объект во мне желанен Тебе? Как желанию не произвести на свет

страх? Страх кастрации, страх желания Другого, страх Смерти? Как желанию не породить страх, когда не хватает самой нехватки, задающей желание! Страх – между мной и Другим. Страх – в сети коммуникации, в интерсубъективности, он – сигнал другого. Страх, как не устает повторять Фрейд, это разменная монета всех аффектов. Страх, как настойчиво повторяет Лакан, это аффект, который не обманывает, и «вопрос об осуществлении желания нельзя поставить иначе, как в перспективе Страшного Суда» [22:375].

В «Толковании сновидений» Фрейд рассуждает о страхе не в связи с «Ирмой», а в связи с другим сновидением – «О птицеголовых существах». Он вспоминает, что последнее страшное сновидение он видел, когда ему было лет семь-восемь. Это было сновидение, в котором представилась *«любимая мать с необычно спокойным, как у спящего человека, выражением лица; ее внесли в комнату и положили на кровать два (или три) человека с птичьими клювами»* [45:584]. Анализ моментально связывает птицеголовых людей с сексуальными отношениями. Фрейду с детства известно, что птицы [*Vögel*], ловля птиц [*vogeln*] на жаргоне – «коитировать», случаться, спариваться [*vögeln, sich vögeln*]. В этой связи два момента. Первый: страх существует сам по себе, он может быть непосредственно не связан с содержанием сновидения. Второй: страх связан с процессом вытеснения и «сводится к смутному,

несомненно сексуальному чувству, которое нашло свое выражение в зрительном содержании сновидения» [45:584]. Два момента вместе гласят: страх существует сам по себе, но никогда не возникает без объекта, он всегда уже сопряжен с символической вселенной. Или, словами Лакана, – «Аффективное не является как бы особой плотностью, которой не хватает интеллектуальной разработке. Оно не размещается в мифической области по ту сторону продуцирования символа – якобы предшествующей формулированию дискурса» [16:78]. Формула Лакана: *страх не без объекта.*

Очагом страха в психическом аппарате для Фрейда оказывается инстанция *я*. Для Лакана очаг этот оказывается *между* символическим, воображаемым и реальным. Сам аппарат не замкнут на себе, это далеко не замкнутая система. Сам аппарат включает измерение других, Другого. Аппарат не равен самому себе. Он экстимен. И сновидение тому свидетель.

Ирма открывает окно в психический аппарат

Ирма открывает рот. Она открывает окно в психический аппарат. Фрейд моделирует аппараты незримого субъекта психотехнобытия. Это и речевой аппарат, описанный в книге «Об афазии», это и аппарат письма, конструируемый от «Наброска»

до «Чудесного блокнота», это и психический аппарат, возникающий в седьмой главе «Толкования сновидений». Фрейду приходит в голову мысль, что толкование сновидения может привести к разъяснению «структуры нашего душевного аппарата, которое мы тщетно до сих пор ожидали от философии» [46:163]. Погружение аппарата в аппарат, в самого себя, рассеивание себя в его деталях его и обнаруживает. Провал в сон – это «не утрата сознания, но сознательное погружение сознания в бессознательное» [37:24], где от сознания не остается и следа, а, возможно, только следы и остаются.

Как аппарат приводится в действие? Силой желания: «привести в действие аппарат не может ничего, кроме желания» [47:598]. Желание – мысль. Желание – воспоминание. Желание – галлюцинаторный заряд воспоминания об удовлетворении. Желание призвано снять напряжение, устранить неприятные ощущения в угоду господствующему в бессознательном принципу удовольствия. Впрочем, аппарат предполагает в первую очередь дифференциацию, различение инстанций; и удовольствие для одной инстанции оборачивается неудовольствием для другой.

Инстанции психического аппарата, который Фрейд схематически изображает в «Толковании сновидений», предстают не как топографическая локализация, а как топологическая конструкция отношений. Важны не инстанции «как таковые», а от-

ношения *между* ними. Лакан уводит само понятие топики от обыденного представления о пространстве к транс-пространству, дифференцированному во временных тактах. Лакан движется к логике, удаляющейся от *воображаемого* и приближающейся к *символическому*:

> «Преимущество топологии состоит в том, что она сводит к минимуму картины, которые рисует воображение, и имеет дело со своего рода транс-пространством, представляющим собой, судя по всему, чисто означающую конструкцию, но оставляющим при этом в нашем распоряжении небольшой набор элементов, воспринимаемых наглядно, интуитивно» [24:51].

При таком понимании становится понятным и парадокс разнесенности на схеме психического аппарата *сознания* и *предсознательного* на разные полюса. Фрейд изображает не пространство локальностей, а «временное измерение как таковое», «измерение логическое» [17:172]. Транс-пространство в своей дифференциации включает время.

Во втором семинаре Лакан говорит о двусмысленных отношениях *воображаемого* и *символического*, и говорит как раз в связи со сновидением об инъекции Ирме:

> «В рукописи своей Фрейд сводит его темы к четырем элементам – двум сознательным и двум бессознательным... один из них – это откровение

творческой речи в диалоге с Флиссом, другой, ему поперечный, высвечивается проходящим потоком. То, что разворачивается в этом сновидении почти бессознательным образом, – это вопрос об отношениях Фрейда с серией женских сексуальных образов, каждый из которых связан каким-то образом с напряженностью в его супружеских отношениях. Но самое поразительное в этих образах – это принципиально нарциссический их характер. Это образы пленяющие, каждый из которых находится с Фрейдом в определенных нарциссических отношениях. Когда врач выстукивает Ирму, она чувствует боль в плече, а Фрейд сам признается, что страдает ревматизмом плеча» [17:179].

Лакан подчеркивает сверхдетерминированность, множественную причинность «Ирмы». Сновидение предписано «речью диалога, который Фрейд ведет с Флиссом, с одной стороны, и сексуальными основаниями, с другой. Сексуальные основания также двойственны» [17:197]. Сновидение детерминировано отношениями, а точнее невозможными отношениями – вербальными и сексуальными. Аппарат Фрейда сквозь призму Лакана проявляет три регистра «Ирмы».

Воображаемый уровень отношений проявляется в соперничестве/сотрудничестве Фрейда с Флиссом, с другим собой, с Ирмой и заключенными в ней образами. *Символический* уровень – отношения на уровне символа, означающего, буквы. Принципиально здесь, что буквой затронуто желание. Неуди-

вительно, что Лакан говорит: «Бессознательное позволяет обнаружить место желания – вот смысл первого сделанного Фрейдом хода, уже в «Толковании сновидений» не просто подразумеваемого, а подробно разработанного и артикулированного» [28:53]. Символ, буква – то, что действует исключительно в режиме повторения. Бессознательное – машина повторения. Символическое возможно только в отношениях с *воображаемым* и *реальным*. *Реальное* – распад сети отношений, обнажающий потустороннюю телесность, жуткий взгляд, опрокинутый в горле Ирмы. В этом сновидении мы сталкиваемся с тем, что «перед нами своего рода предельное переживание, трепетное предвосхищение последнего, окончательного *реального*» [17:251]. Трепет на пределе. Трепет – в уже заведенном там повторении.

Машина повторения действует не столько в *символическом*, сколько на его рубеже, на пределе с *реальным*. И настойчивость, навязчивость этого повторения уготована болезненно сочащимся наслаждением. Неудивительно, что Лакан говорит о возврате лежащего в основе повторения наслаждения: «то, что интересует нас в облике повторения и вписывается в диалектику наслаждения, оказывается направленным против жизни» [28:53]. Неслучайно Фрейду открывается на уровне навязчивого повторения действие влечения смерти. По ту сторону принципа удовольствия – влечение смерти, повторение, наслаждение.

Одна из «конечных» мыслей о желании в сновидении «Об инъекции Ирме» это, можно сказать, желание Фрейда-праотца, желание владеть всеми женщинами. Здесь еще раз можно вспомнить Якоба Фрейда и то, что «пожелания смерти своему отцу усиливаются в тот момент, когда смерть эта стала реальностью. Само «Толкование сновидений» выросло, по словам Фрейда, из смерти его отца. Фрейд, таким образом, хотел бы видеть себя виновным в смерти отца» [28:153]. Эта смерть, это отцеубийство является «условием наслаждения. Пока Лай не устранен – в бою, где победа Эдипа вовсе не означает для него вступление в наследство наслаждением матери, – пока Лай не устранен, повторяю, этому наслаждению не бывать» [28:150]. Лакан обращается к сновидению одного из пациентов Фрейда, в котором прозвучали слова «он не знал, что он мертв», и предъявляет логику выбора:

> «либо смерти не существует и нечто переживает ее – что не решает еще вопрос о том, знают ли мертвые, что они мертвы; либо по ту сторону смерти нет ничего – и ясно тогда, что они этого не знают. Так что никто, по крайней мере из живущих, не знает, что такое смерть. Интересно, что спонтанные формулировки, возникающие на уровне бессознательного, говорят о том, что смерть для кого бы то ни было, строго говоря, непознаваема» [28:154].

В 1972 году Лакан вновь возвращается к вопросу сна и сновидения. Он говорит: если сновидение об инъекции Ирме и показывает «что-то возвышенное, божественное, так это то, что *сущность сна – приостановка связи тела с наслаждением*» [30:179]. Доступ к наслаждению не закрыт, но связи с телом как таковым уже нет. Отец умер, но «мертвый отец и есть страж наслаждения, источник наложенного на него запрета» [28:155]. Отец мертв, доступ к наслаждению изначально в последействии закрыт, и «человек не может насладиться тем, чем ему на роду написано насладиться. Фрейдовская терминология устанавливает, таким образом, эквивалентность мертвого отца наслаждению. Именно он, отец этот, держит наслаждение, так сказать, про запас» [28:154].

Мертвый отец вполне может играть роль в сновидении. Вместе с М., например. Но наслаждение он держит про запас. Оно отложено на потом. Сновидение экранирует и упорядочивается на экране. «Спать не значит пребывать в беспорядке. Наслаждение же как таковое ведет к беспорядку» [30:179]. Работа означающих цепей во сне не прекращается[20]. Она откладывает наслаждение в сторону. Главное – экранировать реальное! Скрывать и представлять! Скрывать *в* представлении, не за ним!

Так в анализе сновидения обнаруживается, что дело далеко не только в возврате вытесненного, да и не только в машине желания. Дело – в продолжении

сновидческого бодрствования! Дело – в экране *реального*. И вот уже Фрейд предстает перед нами не просто в образе сопротивленца викторианской морали и борца за свободы вытесненных сексуальных желаний. Глядя в сон, он видит то, как конституируется психическая реальность. Глядя в сон, он видит созидательный характер дискурса. Глядя в сон, он видит то, что дискурс – всегда уже онейродискурс. Именно этот взгляд и позволяет вслед за Жижеком сказать: времена Фрейда еще только наступают, они грядут сегодня, в эпоху виртуальной реальности и киберпространства, в «нашем „обществе спектакля“, когда то, что мы переживаем в качестве обыденной реальности, все больше и больше оказывается воплощенной ложью» [12:197]. Эта ложь и может обернуться истиной означающих. Работа означающих не прерывается. Экран не гаснет. Они вновь и вновь образуют ребус. Всегда уже новый ребус.

Пуповина сновидения

Ребус никогда не расшифровывается до конца. Еще один принцип психоаналитической онейрокритики – открытость, невозможность сказать: *всё, теперь это сновидение истолковано до конца*. Понятно, что у сновидения нет ни начала, ни конца, есть лишь фрагмент воспоминания, то, с чего начинается пересказ сна. И пересказ этот всегда лишь

прерывается, но никогда не заканчивается. Если сновидение – фрагментированный пересказ, частичное воспоминание, то и толкование его фрагментировано. Причем, порой фрагментированность эта носит сознательный характер. Так, в примечании, предваряющем текст сновидения «Об инъекции Ирме», Фрейд пишет: «я должен признаться, что почти никогда не приводил полного истолкования мною собственных сновидений. Думаю, что я вправе не раскрываться полностью перед читателем» [46:124]. Но даже если бы он и захотел раскрыться, то как представить себе это «полностью»? Как исчерпать душевную жизнь? Разве можно положить предел постоянно перестраивающейся символической матрице?

Фрагментированность и открытость толкования ведут к его неисчерпаемости и множественности. Фрейд говорит: *всегда возможно еще одно толкование*. Понятно, что полагая психоанализ вероятностной наукой, мы неизбежно приходим к его пониманию как *теории виртуальных множеств*. С этим вполне согласуется онейрологика *и, и*. Толкование может обрести статус истины только задним числом, а пока, исходя из того, чему еще только предстоит случиться, остается говорить: такое толкование возможно, но возможно и иное. И это измерение, «возможно», «вероятно», «может быть» имеет отношение исключительно к логике сознательного построения фраз, поскольку изображение

в сновидении того, что изображается, как раз и подразумевает невероятность представления вероятности. Предваряя очередные размышления об Ирме в разделе «Регрессия», Фрейд говорит о двух сопряженных между собой особенностях онейрологики: «в форме проявления этого сна выражены две почти независимые друг от друга особенности. Первая из них – изображение в виде настоящей ситуации с опущением слов „может быть“; вторая – превращение мысли в зрительные образы и в речь» [46:536]. Аналитическая работа меняет диктатуру реальности «дано то, что дано» на бесконечное онейрическое «может быть».

Невозможность тотального толкования указывает на остаток, на неанализируемое. Так, одним из фундаментальных принципов психоанализа оказывается то, что Лакан называет *pas toute*, невсе. Невозможно высказать всю истину целиком. Невозможно выдать всё об Ирме полностью. Эта неполнота, открытость, невозможность тотализации символического, с одной стороны, проясняет тщательное избегание Фрейдом формализации психоаналитической системы, да и вообще таких слов как «система» и «мировоззрение» применительно к психоанализу. Вслед за ним и Лакан изощренно ускользает от паранойяльного знания, от той науки, которая и в начале XXI века будет безоглядно стремиться к нарциссическим основаниям полноты, целостности, автономности. Именно

остаток, несимволизируемое, *объект а* обретают принципиальное значение. Именно *пуповина сновидения* оказывается буквально неанализируемым основанием анализа, скольжения означающих, сублимации. Пуповина сновидения – не просто метафора, но – одно из фундаментальных понятий фрейдовской онейрокритики.

«*Рот хорошо открывается*; она рассказала бы мне больше, чем Ирма», – говорит Фрейд о подруге Ирмы и делает следующее примечание: «Я подозреваю, что толкования этой части отнюдь не достаточно, чтобы проследить за всем скрытым смыслом. Если бы я захотел продолжить сравнение трех этих женщин [Ирмы и двух других «особ, которые воспротивились бы лечению»], то ушел бы далеко в сторону. Каждое сновидение имеет по меньшей мере одно место, в котором оно непонятно, так сказать, пуповину, которой оно связано с неизвестным» [46:130], а точнее – с непознанным [*Unerkannten*]. Сравнение трех женщин может увести далеко в сторону. С одной стороны. С другой, – дело совсем не в далекой стороне, а – в непознанном, в том, что познанию трех сопротивляющихся символизации женщин положен временный предел. Дело отнюдь не в том, что сопротивление можно или нужно сломить и взять их силой, а в том, что в любом случае познание оставляет загадку. Рождение, Жизнь, Смерть сохраняются в тайне. И это еще не всё.

Фрейд вновь говорит о вероятном множестве. Место пуповины может быть не одно. Места связи с неизвестным множественные. Каждое место – «точка, где возникает связь субъекта и символического порядка» [17:153]. Места эти – нелокализуемые пункты сборки субъекта в отчуждении, и непознанное устанавливает пределы символической матрицы. Пуповина – связь, но с чем-то радикально иным, несимволизируемым, недифференцируемым. Пуповина сновидений указывает на то, «что все здесь происходит до рождения, до всякого различения, всякого отделения, до какого-либо распознавания человека и смысла» [37:52]. Иначе говоря, в деконструктивном отношении пуповина сновидения – «место» различания [*différance*], родовой возможности символизации, вероятности невероятного сновидения. Пуповина сновидения – связь с непознанным, и она же разрыв, в котором проглядывает субъект. Разрыв этот не один. Это и разрыв с нарциссическим двойником, уже предписывающим социальность, жизнь, смерть. Это и разрыв между реальным и символическим, между Вещью и Символом. Он «представляет собой, подобно символизирующему его пупу анатомическому, не что иное, как зияние [*béance*]» [25:29]. И от анатомии здесь не уйти: зияние обнаруживает проход, отверстие открывающейся гортани, место рождения голоса[21]. Рот Ирмы открывается. Там, в глубине, – гортань, голосовой аппарат, колеба-

ние связок. И от анатомии здесь не уйти: пуповина сновидений волей-неволей напоминает об анатомической пуповине. Это и центр, и периферия связи с Другим. Это и плотность сплетения, и пустота. Это и глубинная связь с неведомым, и пропасть отчуждения от конституируемого задним числом природного, материнского, рая. Это «исключительное переживание оказывается отмечено, где некое реальное воспринимается помимо всякого, будь то воображаемого или символического опосредования» [17:251][22]. Сновидение – и восполнение зияния, и экран открывающейся расщелины возможности самого невозможного.

Примечания

Сновидения имеют смысл, записанный, разумеется, на языке сновидений

[1] Уже в III семинаре (1955-6) Лакан говорит о том, что коммуникация отнюдь не такая простая вещь, какой ее иногда представляют в теориях коммуникации, говоря об отправителе, получателе и сообщении. «Похоже, забывают о том, что в человеческой речи, помимо множества прочих вещей, отправитель – всегда в то же время еще и получатель» [18:33]. Это очевидно в аналитических отношениях, где речь анализанта, проходя через аналитика, возвращается к анализанту. Смысл анализа, можно сказать, в том и заключается, что анализант должен себя слышать. В своем семинаре по «Похищенному письму» Эдгара По Лакан выдает формулу интерсубъективной коммуникации: «отправитель получает от получателя свое собственное сообщение в обращенной форме» [27:41].

[2] Лакан, рассуждая по ходу II семинара о кибернетике и символическом порядке как порядке синтаксиса и альтерации отсутствия/присутствия, называет психоанализ вероятностной наукой [*science conjecturale*]. Кибернетика и психоанализ задаются вопросом не о том, что «есть на самом деле», а вопросом о вероятности того, что может быть.

Сценарий сновидения: от желания видеть к желанию знать

[3] Приведем здесь без комментариев принципиально важный пассаж из XVII семинара: «Что касает-

ся сновидения, то все мы знаем теперь, что оно не что иное, как требование, означающее, которое оказалось на воле и теперь плачет и переминается с ноги на ногу, абсолютно не представляя себе, что оно хочет. Мысль о том, что в основе желания лежит всемогущий отец, опровергается тем фактом, что свои господствующие означающие Фрейд заимствовал из дискурса истерика. Не следует забывать, что именно отсюда исходил Фрейд, не скрывавший, что является для него центральным вопросом. Услышанное было усвоено им так бережно, что повторить это сумела даже ослица, понятия не имея, о чем идет речь. Вопрос этот, конечно – чего хочет женщина? Некая женщина, но не абы какая. Сам вопрос предполагает, что она чего-то да хочет. Фрейд не спросил – чего хочет Женщина? – Женщина вообще. Женщина с большой буквы...» [28:162]

Рождение субъекта желания, желание признания и желание желания

[4] Пожалуй, ярким свидетельством этой теории для Фрейда становятся детские сновидения. У детей, разумеется, не столь нагружено вытесненное, еще не настолько мощно работают искажающие механизмы, по меньшей мере в силу того, что психика еще не так сложно дифференцирована, не так разрывается противоречивыми желаниями. Здесь уместен вопрос, которым задается Жаклин Роуз. Непонятно, пишет она, то ли Фрейд говорит о детском желании, или о желании детства, т. е. о желании быть ребенком? [39:115].

Желание Фрейда и вопрос ответственности

[5] И в то же время «сновидение никогда не бывает просто воспоминанием. Как ни странно, те люди, к которым относился в детстве наш сексуальный интерес, не воспроизводятся ни в сновидении, ни при истерии, ни при неврозе навязчивости; и только при паранойе снова возникают образы зрителей» [44:258]. Только паранойя и распускает идентификации *собственного я.* Нарциссизм рассеивается, обнаруживая в первую очередь других.

[6] Эта, формулируемая Жижеком, мысль [12:194-5] звучит и убедительно, и одновременно сомнительно. Убедительно с точки зрения публикации «Толкования сновидений» (1899). Сомнительно с точки зрения толкования сновидения «Об инъекции Ирме» (1895). Между этими двумя датами радикальный 1897 год, осенью которого, с одной стороны, Фрейд отказывается от теории раннего соблазнения и, тем самым, прокладывает путь психоанализу; с другой стороны, именно в этом году он сообщает о том, что его самоанализ (при участии Флисса как Другого) пошел полным ходом, а раньше следов его не было (см., например, письма от 27 октября и 14 ноября 1897).

Всегда уже и желание спать на пределах *реального*

[7] Еще одно прояснение, причем очень подробное, желания спать дает сновидение «Отец, разве ты не видишь, я горю». Жижек проводит, можно сказать, блиц-сравнение «Инъекции Ирмы» и «Горящего сына».

И в том, и в другом сновидении происходит столкновение с реальным, но если во втором отец от ужаса этого столкновения просыпается, то в случае «Ирмы» происходит смена декораций, и второй акт вполне можно назвать комедийным. Функция, впрочем, та же, и дает она ни больше ни меньше, как «основной ключ фрейдовской теории сновидений»: «наша обыденная реальность имеет точно такую же структуру столь же пустого обмена, дающего нам возможность избежать столкновения с реальной травмой» [12:196], с травмой реального.

[8] В этом отличие Фрейда и сновидения об «Инъекции Ирме» от отца и сновидения о горящем сыне. Отец умершего мальчика не выдерживает встречи с реальным, со своей виной за смерть сына во сне и просыпается, чтобы спать дальше в реальности. «Реальность для тех, кто не может вынести реального, – именно в этом самый главный урок „Толкования сновидений"» [12:198].

[9] «Процесс переработки срытого содержания сна в явное я буду называть работой сна; противоположная этому работа, ведущая к обратному превращению, знакома уже нам как работа анализа» [47:18].

Дискурс других пишется на другой сцене

[10] События разворачиваются на сцене. Для того, чтобы действие началось, нужна сцена. «Вспомните, какой урок извлек я из основополагающей для Фрейда работы Толкование сновидений, обратив внимание на то, что автор определяет в ней бессознательное как место, которое он называет eine andere Schauplatz, другая сцена. С самого начала, как видите, с момента, когда бессознательное впервые в сновидении себя обнаруживает, термин этот

оказывается на первом плане. Мне представляется, на самом деле, что перед нами здесь способ образования того, что называем мы своим разумом» [24:43]. Другая сцена – возможность сценария, постановки, истории: «Итак, есть мир – это раз. И есть сцена, на которую мы этот мир выводим – это два. Сцена – это новое измерение, измерение истории. История всегда носила постановочный характер» [24:44].

[11] Вебер показывает, что это понятие – одно из принципиальных в словаре Фрейда. *Auseinandersetzung* сочетает, а точнее рассеивает такие значения как разъяснение, критический разбор, спор, полемика, дискуссия, столкновение, конфронтация, толкование.

Сновидение выписывается метафорой и метонимией

[12] Здесь уместно будет напомнить слова Лакана: «Как бы ни набивали вы себе снедью уста – те уста, что открываются у вас в ответ на влечение, удовлетворены они будут не пищей, нет, а удовольствием, которое испытывают уста» [25:179].

[13] 9 июня 1898 года Фрейд благодарит Флисса за «критическую помощь» и, ссылаясь на свой потерянный стыд, говорит: «Итак, сновидение приговорено» [43:344]. «Приговоренное», или, можно сказать, «проклятое» [*verdammed*] сновидение было не только изъято из рукописи «Толкования», но и утрачено. В переписке друзей, купленной Мари Бонапарт, его не оказалось, но ей доподлинно известно, что главным действующим лицом этого сновидения была Марта.

[14] В 1878 г. Ф. Гальтон опубликовал статью, которая называлась «Составные портреты». В этой работе он сопоставлял особенности психики человека с особенностями строения его лица. Техника фотографирования, распространенная в то время, давала возможность объединять на одной фотографии фрагменты восьми лиц. На таких фотографиях можно было разглядеть наиболее общие черты лица, тогда как индивидуальные становились менее заметными. Составляя таким образом различные фотографии, Гальтон пытался создать портреты, типичные для людей разных профессий, а также портреты типичных преступников и людей, склонных к болезням.

Собственное я, такое рассеянное

[15] В «Я и оно» (1923) Фрейд противопоставляет связное я [*zusammenhängenden Ich*], я собранное, смонтированное в иллюзорную целостность, отколовшемуся от него вытесненному.

Оракул *реального*: триметиламин

[16] Жижек в этой связи первым делом вспоминает старый советский анекдот («Правда, что Рабинович выиграл в лотерею новую машину?» – «В принципе, да. Только не машину, а велосипед, и не новый, а старый, и не выиграл, а у него его украли!») и заключает: «Сновидение – исполнение бессознательного сексуального желания сновидца? В принципе, да. Только желание в сновидении, избранном Фрейдом в качестве образца своей теории сновидений – не является ни сексуальным, ни бессознательным, ни, в довершение ко всему, его собственным» [12:190].

[17] Матильда обрела свое имя в честь жены Йозефа Брейера, София – в память о племяннице профессора Самуэля Хаммершлага, который учил Зигмунда Фрейда в гимназии Священному писанию и иврит, Анна – в честь дочери все того же Хаммершлага. Напомним, Анна Хаммершлаг-Лихтхейм – это еще одна, помимо Эммы Экштейн, кандидатка на роль Ирмы. Кстати, ближайшей подругой Анны Хаммершлаг была ее двоюродная сестра, София Шваб-Панет. Вполне вероятно, что именно этой девушкой и восхищается Фрейд, сравнивая ее с Ирмой.

Желание за желанием

[18] Анзье видит в этих пропилеях, с одной стороны, прямые сексуальные коннотации, сопоставляя их с большими половыми губами, открывающими вход в вагину, с другой, напоминает о построенных Людвигом Баварским Пропилеях, ведущих в Мюнхен, туда, где Флисс как раз и рассказал о сексуальной роли триметиламина Фрейду. Фрейд это подтверждает, относя «Мюнхен с Пропилеями» к ассоциациям из «группы Вильгельм», противопоставленной «группе Отто» [46:304].

Страх желания

[19] Эта, можно сказать, «оральная теория страха», в которой распознаются соображения Мелани Кляйн, формулируется Лаканом в 1930-е годы, тогда же, когда и стадия зеркала. Однако в этой теории содержится и принципиальная мысль Лакана: не утрата, отсутствие матери, отделение от нее ведут к страху, а, как раз наоборот, нехватка отделения, всепоглощающая близость. Так у Маленького Ганса страх

возникает не от отделения от матери, а от невозможности такового [19:319]. Таким образом, кастрация оказывается не принципиальным производителем страха, но тем, что его скрадывает. Откуда и мысль Лакана о сглаживающей кризис, разрешающей роли Закона, Имени Отца.

Ирма открывает окно в психический аппарат

[20] «Фрейд говорит исключительно то, что означающее, оно-то продолжает в это время носиться. Вот почему, даже когда я сплю, я продолжаю готовиться к моим семинарам. А мсье Пуанкаре обнаруживает автоморфные функции» [30:179].

Пуповина сновидения

[21] Понятие, которым пользуется Лакан, *béance*, это практически вышедшее из употребления книжное слово, передаваемое в русском языке как *разрыв, зияние, отверстие*. Хорошо известно Лакану и то, что *béance* – это еще и медицинский термин, означающий *раскрывание гортани*. Именно здесь сокращение внутренних мышц меняет степень натяжения голосовых связок и форму голосовой щели. Именно здесь при выдохе голосовые связки вибрируют и образуют гласные звуки.

[22] Вот продолжение слов Лакана: «Можно сказать, одним словом, что исключительные переживания подобного рода (в особенности, похоже, это касается сновидений) характеризуется тем, что в них устанавливаются отношения с абсолютно другим – с другим, какой бы то ни было интерсубъективности совершенно потусторонним» [17:251].

Библиография:

1. Аддад Ж. (1981) Haddad G. *Lacan et le judaïsme*. P.: Desclée de brouwer, 1996.

2. Анзье Д. (1959) Anzieu D. *L'auto-analyse de Freud et la découverte de la psychanalyse*. P.: PUF.

3. Аппиньянези Л., Форрестер Д. (2000) Appignanesi L., Forrester J. *Freud's Women*. L.: Penguin Books.

4. Артемидор. *Онейрокритика*. СПб.: Кристалл, 1999.

5. Вебер С. (2000) Weber S. *The Legend of Freud*. California: Stanford University Press.

6. Вегетти Финци С. (1998) Vegetti Finzi S. "Freud and the Dream of Dreams" // *Journal of European Psychoanalysis*. No. 6. Winter 1998. P. 47–73.

7. Грубрих-Симитис И. (2002) Grubrich-Simitis I. "How Freud wrote and revised his *Interpretation of Dreams*: Conflicts around the subjective origins of the book of the century" // *Psychoanalysis and History*. Vol. 4. No. 2. Summer 2002. P. 111–126.

8. Дайан М. (2003) Dayan M. "Rêve" // *L'apport freudien*. Sous la direction Pierre Kaufmann. P.: Bordas, 1993. P. 481–497.

9. Деррида Ж. (1967) *О грамматологии*. М.: Ad Marginem, 2000

10. Жижек С. (1989) *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал, 1999.

11. Жижек С. (1998) Zizek S. “Kant and Sade: the Ideal Couple” // *Lacanian Ink.* N.Y., 1998. № 13. P. 12–25.

12. Жижек С. (2001) Zizek S. *Did somebody say Totalitarianism?* L., N.Y.: Verso.

13. Жижек С. (2006) Zizek S. *How to read Lacan.* L.: Granta Books.

14. Жижек С. (2008) Zizek S. *Violence.* N.Y.: Picador.

15. Лакан Ж. (1938) Lacan J. “Les complexes familiaux dans la formation de l’inidividu” // Lacan J. *Autres écrits.* 1. P.: Éditions du Seuil, 2001. P. 23–84.

16. Лакан Ж. (1953/1954) *Семинары. Книга 1. Работы Фрейда по технике психоанализа.* М.: Гнозис/Логос, 1998.

17. Лакан Ж. (1954/1955) *Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа.* М.: Гнозис/Логос, 1999.

18. Лакан Ж. (1955-6) Lacan J. *Le séminaire. Livre III. Les psychoses.* P.: Seuil, 1981.

19. Лакан Ж. (1956-7) Lacan J. *Le séminaire. Livre IV. La relation d’objet.* P.: Seuil, 1994.

20. Лакан Ж. (1957) «Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда» // Лакан Ж. *Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда.* М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997. С. 15–53.

21. Лакан Ж. (1958) Lacan J. “La direction de la cure et les principes de son povoir” // Lacan J. *Écrits*. Vol. 1. P.: Éditions du Seuil, 1966. P. 585–646.

22. Лакан Ж. (1959-1960) *Семинары. Книга 7. Этика психоанализа*. М.: Гнозис/Логос, 2006.

23. Лакан Ж. (1960-1) Lacan J. *Le séminaire. Livre VIII. Le Transfert*. P.: Seuil, 1991.

24. Лакан Ж. (1962-3) *Семинары. Книга X. Тревога*. М.: Гнозис/Логос, 2010.

25. Лакан Ж. (1964) *Семинары. Книга XI. Четыре основные понятия психоанализа*. М.: Гнозис/Логос, 2004.

26. Лакан Ж. (1965-6) Lacan J. *Le séminaire. Livre XIII. L'objet de la pscyhanalyse*. Не опубликован.

27. Лакан Ж. (1966) Lacan J. «Le séminaire sur “La Lettre volée”» // Lacan J. *Écrits*. Vol. 1. P.: Éditions du Seuil. P. 19–75.

28. Лакан Ж. (1969-1970) *Семинары. Книга XVII. Изнанка психоанализа*. М.: Гнозис/Логос, 2008.

29. Лакан Ж. (1971) «Токийская речь» // *Лакан в Японии* / Под ред. В. Мазина, А. Юран. СПб.: Алетейя, 2011. С. 15–48.

30. Лакан Ж. (1971-1972) Lacan J. *Le séminaire. Livre XIX. Ou pire*. Не опубликован.

31. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. (1973) Lacoue-Labarthe Ph., Nancy J.-L. *Le titre de la lettre*. P.: Galilée, 1990.

32. Мазин В., Пепперштейн П. (2005) *Толкование сновидений*. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

33. Мазин В. (2006) «Онейродискурс» // *Лакан и космос* / Под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. СПб.: «Алетейя», 2006. С. 79–96.

34. Мазин В. (2008) *Онейрография: призраки и сновидения*. Киев: УАП-МИГП, 2008.

35. Мазин В. (2010) *Субъект Фрейда и Деррида*. СПб.: Алетейя, 2010.

36. Маринелли Л., Майер А. (1992) Marinelli L., Mayer A. *Träume nach Freud*. Wien: Turia + Kant, 1992.

37. Нанси Ж.-Л. (2007) Nancy J.-L. *Tombe de sommeil*. Galilée, 2007.

38. Пензин А. (2009) «Критика онейроцентризма. К политической антропологии сна» // *Лаканалия* (www.lacan.ru), #1, Диалектика. С. 21–23.

39. Роуз Ж. (2003) Rose J. *On Not Being Able to Sleep*. L.: Vintage, 2004.

40. Рудинеско Э., Плон М. (2006) Roudinesco E., Plon M. "Eckstein Emma (1865–1924)" // *Dictionnaire de la psychanalyse*. P.: Fayard. P. 245–246.

41. Рэнд Н., Торок М. (1997) Rand N., Torok M. *Questions for Freud: the Secret History of Psychoanalysis*. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press, 1997.

42. Форрестер Дж. (1997) Forrester J. "Dream Reader" // *Dispatches from the Freud Wars*. Harvard University Press. P. 138–183.

43. Фрейд З. (1887–1904) Freud S. *Briefe an Wilhelm Fließ 1887–1904*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1986.

44. Фрейд З. (1895) Freud S. “Entwurf einer Psychologie” // Sigmund Freud. *Gesammelte Werke. Nachtragsband. Texte aus den Jahren 1885–1938*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1987. S. 387–486.

45. Фрейд З., Брейер И. (1895) *Исследования истерии*. СПб.: ВЕИП, 2005.

46. Фрейд З. (1900) *Толкование сновидений*. М.: Фирма СТД, 2004.

47. Фрейд З. (1901) «Психология сна» // Фрейд З. *Влечения и их судьба*. М.: Эксмо-Пресс, 1999. С. 5–76.

48. Фрейд З. (1905) «Фрагмент анализа истерии» // Фрейд З. *Избранное*. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. С. 177–350.

49. Фрейд З. (1913) «Мотив выбора ларца» // Фрейд З. *Художник и фантазирование*. М.: Республика. С. 212–217.

50. Фрейд З. (1914) «Воспоминание, повторение и проработка» // Фрейд З. *Сочинения о технике лечения*. М.: «Фирма СТД», 2008. С. 205–215.

51. Фрейд З. (1915) «Бессознательное» // Фрейд З. *Психология бессознательного*. М.: «Фирма СТД», 2006. С. 129–185.

52. Фрейд З. (1916) *Введение в психоанализ. Лекции*. М.: Наука, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Аронович Мазин

Онейрокритика Лакана

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макст *М. М. Егорова*

Корректор *О. И. Абрамович*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72
E-mail: office@aletheia.spb.ru *(отдел продаж)*,
aletheia92@mail.ru *(редакция)*
www.aletheia.spb.ru
Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

Формат 70х100 1/32. Усл. печ. л. 6. Печать офсетная.
Заказ № 169.

Эта книга представляет собой детальный разбор самого знаменитого сновидения в истории психоанализа - «Об инъекции Ирме». Именно анализ «Ирмы» позволил Фрейду вывести основные положения своей онейрокритики и написать Библию психоанализа - «Толкование сновидений», а Лакану сформулировать свое отношение ко сну, сновидению, реальности. Автор книги, известный психоаналитик Виктор Мазин, следуя логике Жака Лакана, деконструирует одну из фундаментальных оппозиций западной метафизики - оппозицию сновидения и реальности, размечая основные положения психоаналитической онейрокритики.

